

Часть третья

27.

Я решил не возвращаться в такси.

Сколько лет провёл я за баранкой автомобиля, а обзавёлся только кредитной картой «Сбербанка», которую мне с любезной настойчивостью предложили сотрудники банка, когда я платил очередной штраф за нарушение пдд. Аренда квартиры, еда по скидочным ценникам и пиво два раза в неделю — вот всё, на что мне хватало заработанных денег. «Разбилась душенька поэта о скалы быта». Так, кажется, прокомментировал Серёга нашу неудачную эпопею с метеоритом. И, сдав библиотечные книги, открыл на центральном рынке отдел с нижним женским бельём «Вероника».

Пожалуй, лучше этого и не скажешь.

В общем, затарившись пивом, я с увлечением ушёл в поиск новой работы. Беспристрастно оценив качества, которые я мог предложить своему будущему работодателю, выяснилось, что единственной открытой для моего честолюбия сферой являлась торговля. Распив две банки «Хайнекена», я наконец-то решился. «Какого чёрта? — сказал я себе. — Разве торговые представители не ездят на хороших машинах, не покупают квартиры, не заводят любовниц, при этом не имея ни образования, ни армии, ни особых достижений в спорте и перед Отечеством?» У меня как раз ничего такого и не было. Стало быть, я и эта работа были созданы друг для друга. Во мне проснулось такое сильное желание стать торговиком, что я добросовестно потратил на составление резюме битый час. В конце концов я придумал что-то вроде шедевра со множеством ярких автобиографических фактов. Хоть сейчас отнесняй на гербовой бумаге и вешай в рамке на стену. Выяснилось, например, что во время учёбы на филологическом факультете я подрабатывал продавцом лазерных дисков. А уйдя в академический отпуск, — представьте себе! — несколько лет держал точку с разливным пивом. Иными словами, знал торговое дело вдоль и поперёк, всё равно что учёные НАСА — подземные озёра Урана.

Я заморочился до такой степени, что не поленился загуглить, как правильно заполнять графу «Личные качества». В итоге, помимо стандартных «коммуникабельности», «целеустремлённости» и «обучаемости», я дополнил её такими непревзойдёнными перлами, как «непоседливость», «трудоголизм», «креативность мышления» и «игра на фортепиано и скрипке». А в конце чистосердечно признался, что не умею расслабиться и не могу жить без работы разъездного характера.

Я отправил резюме сразу в двадцать компаний. По большому счёту, откликнулся на первые в списке, не заморачиваясь. Спустя две банки пива мне посыпались ответы. Из «Балтики» и «Кокка-Колы» пришёл отказ, отказал «Филип Моррис» и компания, распространяющая детские игрушки.

Последние, кстати, уверен, совершили самую большую в своей жизни ошибку. Разглядывая все эти ярко-жёлтые, изумрудные и ультрамариновые игрушки, фотографии коих они выложили на своём сайте, я успел в них не на шутку влюбиться. Продавать это дело стало бы для меня подлинным удовольствием. Всё равно что вернуться в детство. И в этом смысле, конечно, они меня обломали. Боже, у них даже был вертолёт. Не радиоуправляемый. Лучше! Дёргаешь за верёвочку в рукоятке — и миниатюрные лопасти начинают вращаться, вертолёт поднимается в воздух. Точно такой родители подарили мне на пятилетие в далёком девяносто четвёртом году. Я сломал его в первый же день, запустив в малогабаритной квартире. Возможно, поэтому я так и загорелся этой вакансией. Хотел излечить детскую психотравму.

Наконец мне пришёл положительный отклик. Меня приглашали на собеседование. Завтра в одиннадцать часов утра, чистый и выглаженный, как кандидат от демократической партии на должность президента Соединённых Штатов Америки, я должен был подойти в офис компании «Грант». Я щёлкнул по ссылке, чтобы узнать подробности. Святые угодники. Компания занималась дистрибуцией семечек и солёного арахиса к пиву.

Я чуть не поперхнулся «Хайнекеном», честное слово.

Но выбирать не приходилось. К этому времени только две фирмы не ответили на моё резюме.

Одна торговала презервативами с жевательной резинкой «Стиморол» и «Орбит», вторая — женской косметикой.

Уже через неделю мне стало ясно: торговать семечками — всё равно что барыжить снегом на Магадане. Продавцы попросту отказывались пускать представителей компании на порог магазинов. Поэтому мы брали точки измором.

— Не ждите, что вы совершите сделку при первом визите, — учил нас супервайзер. — Пятидесятый визит — вот ваша цель.

Возможно, это и правда, пятидесятый визит был решающим, но проверить теорию на практике пока что не удавалось. Люди не выдерживали и подавали заявления на десятом, максимум на двадцатом визите. Эти визиты в своём роде тоже были решающими. Продавцы, как правило, успевали настолить тебя возненавидеть, что готовы были кинуться в драку. Они грозились проткнуть на парковке колёса твоего автомобиля, вызвать Росгвардию, пожаловаться братьям-чеченцам и в Гаагский суд, наслать родовое проклятие. Более робкие просто сбегали в подсобку, заведя в дверях твоё садистки улыбающееся лицо.

Но я был непробиваем. И вскоре действительно был вознаграждён за упорство чередой сделок. Причём подчас ничто не предвещало того, что это вот-вот случится.

— Не приходи сюда больше! Я не шучу!

Так меня изо дня в день встречали в магазине «Околица» на Стофато. Угрозы принимали всё более конкретный характер, всё чаще в наших беседах слышались маты. Под конец я заходил в точку с перцовым баллончиком, чувствуя себя так, будто угодил в Гарлем. Я никогда не глушил двигатель. Если бы мне пришлось отступить с боем, любая заминка, как, например, запропастившаяся куда-то связка ключей, могла стоить мне жизни.

Такая история продолжалась ровно пятнадцать посещений. Я считал. Ставил чёточки в блокноте напротив каждого контрагента. Но на шестнадцатый визит ситуация вдруг изменилась.

— О, семечки «Грант». Неси сюда скорее две упаковки.

У меня была точка в первом микрорайоне. За прилавком стоял сам хозяин. В прошлом тоже торговик, поэтому до драк у нас дело не доходило. Наоборот, он искренне мне сочувствовал. Обычно мы вступали с ним в долгие, полные неподдельной горечи философские споры, схожие с теми, что ведутся в интеллектуальных кругах относительно подлинного искусства и того, что массовому человеку оно не нужно.

— Хорошо, убедил, — соглашался со мной хозяин. Вид у него при этом был невероятно довольным. Как у Платона на берегу Эгейского моря во время беседы с учениками. — Ваши семечки классные.

Но людям-то этого не докажешь. Они берут по привычке. Как брали «Загородные», так брать их и будут. Я вчера предлагал каждому на пробу «Грант» по оптовой цене. И ни один не согласился. Был даже соблазн пересыпать ваши семечки в упаковку «Загородных» и продавать так. Уверен, на следующий день люди бы пришли за добавкой. Скупили бы все запасы, посчитав, что у этой партии какая-то особенная обжарка. Поэтому, извини, ничем помочь не могу, кроме совета менять работу. Устройся на колбасу. Там всегда деньги водятся.

Но я продолжал ходить к нему каждый день. Я забегал даже на выходных, поскольку жил через дорогу от его магазина, и на двадцать третье посещение он встретил меня с сумасшедшей ухмылкой. — Тащи сюда весь товар.

Вид у него был неадекватный, поэтому я спросил:

— И арахис?

— И арахис. Проведём эксперимент, — тут он рассмехался. Рассмехался как человек, поставивший на zero двухкомнатную квартиру. — Сделаю тебе сегодня недельный план. А в следующий раз ты придёшь и увидишь, что твои семечки не продаются. Даже если ими завалить магазин снизу доверху.

Я разгружал машину, наверное, полчаса. Освободил багажник, заднее кресло, нишу для ног. Блин, семечки лежали даже на переднем пассажирском сиденье. Я пристёгивал их ремнём безопасности, чтобы на крутом повороте мешки не рухнули на меня. Я выгрузил и их тоже. Вспотел, будто пробежал стометровку тысячу раз. И ни разу не позволил сделать себе перекур. Боялся, что хозяин вдруг передумает.

Видимо, порой ему действительно приходили мысли дать заднюю. То и дело он спрашивал, всё так же безумно смеясь:

— Ещё не всё?

— Ещё пара ходок.

— Отлично. Хоть десять. Тащи сюда всё.

Бьюсь об заклад, он не подозревал, сколько семечек может влезть в салон обычной «семёрки». И всё потому, что каждую неделю у нас проводились тренировки по дисциплине. Мы освобождали машину, потом снова её загружали, но уже под чутким контролем супервайзера, который всякий раз давал нам кучу полезных советов. Наверно, всё свободное время смотрел ролики по «Ютубу». Как бы там ни было, но после тренинга машина чудесным образом вмещала в себя на несколько мешков семечек больше, чем до него.

— Двадцать шесть тысяч двести двадцать пять рублей семьдесят пять копеек, — произнёс я, передавая хозяину накладную.

— Ха-ха. Посмотрим, что ты скажешь мне в следующий раз.

— В следующий раз ты попросишь добавки!

После этого случая я стал настоящим героем компании. Целый месяц моя фотография висела на стенде. Я был лидером продаж, причём с внушительным отрывом. Сам региональный менеджер отозвал меня на следующее утро покурить на крыльцо. Если бы я был воскресшим Виктором Цоём, он и то, наверное, смотрел бы на меня не так офонаревши.

— Как ты отгрузил Верясова? Он же непробиваемый!

— Мы решили провести эксперимент.

— Отличная тактика!

— Но что делать потом, когда семечки у него встали? — пользуясь благоприятствующей обстановкой, спросил я.

Это было чертовски неосторожно с моей стороны. Всех нас учили, что семечки «Грант» настолько охрнительны, что просто не могут не продаваться. — Вот тогда ты предложишь ему мерчандайзинг.

Ну разумеется. Семь бед — один ответ. Мерчандайзинг! Отвратительная фигня. Даже на слух. Звучало как куннилингус или вроде того. Суть его в том, что, помимо непосредственной продажи семечек в точку, ты ещё должен был украсить её подобно рождественской ёлке, чтобы у покупателя при виде этого красочного великолепия появилось необоримое желание что-нибудь пощёлкать. Чуть несусветная, как массовые сеансы Кашпиrowsкого в девяностых годах, но чуть согласованная и утверждённая на самом высоком уровне.

Из-за неё на борту у нас всё время болталась огромная картонная коробка с рекламной продукцией. Четыре вида плакатов всевозможных размеров. Воблеры, надувные шары, наклейки на двери, монетницы, коробки под чеки. Всего не упомнишь. Торговую точку, куда ты впыжил хоть одну тридцатипятиграммовую пачку семечек, необходимо было оформить по стандартам компании. Обязательно монетница и плакат в зоне А, обязательно воблер и муляжи в зоне Б, а в зоне С — всё остальное. Господи, если бы мне посчастливилось встретить типа, который разрабатывал эти стандарты, я бы, не задумываясь, разбил ему всё е...ло. На такой должности по определению не может работать добропорядочный человек.

Судите сами, каким кошмаром был для нас мерчандайзинг. Полчаса ты убалтывал продавца заключить сделку, потом пёр товар в магазин, где его предстояло расставить на стеллажах — а это двести, триста, а то и пятьсот пачек в зависимости от заказанных граммовок, и каждая пачка должна была выглядеть на полке как новенькая (обычно после долгих скитаний в тесном багажнике все они выглядели как из-под жопы). Наконец, ты заполнял накладные, отсчитывал сдачу, выгребал из магазина оставленный мусор. И вот после всего этого тихого ужаса тебе ещё полагалось надувать шарик и собирать стойки, к каждой из которых

шла десятистраничная инструкция, всё равно что к кухонному гарнитуру Леонардо Ди Каприо. К тому же далеко не каждый продавец соглашался на мерчандайзинг. Поэтому их приходилось снова убалтывать, рискуя довести до истерики, когда они готовы были вышвырнуть и тебя и принесённый тобой товар к чёртовой матери.

Естественно, за мерч нас дрючили большего всего.

Если семечки в точку не уходили, виной всему было отсутствие рекламы. Если магазин не хотел с нами сотрудничать, опасаясь похоронить деньги в товар, значит, ты доходчиво не объяснил, что после соответствующего оформления торговой площади наше семя подсолнуха будет улетать, как мороженое на пляже в Анапе. И даже если точка качала, но в ней не было пост-продукции, тебя опять-таки драли, ведь расклей ты там пару плакатов — и она бы одна делала весь твой месячный план.

У меня была уйма магазинов с идеальнейшим мерчем, но семечки там продавались реже презервативов в Папуа Новой Гвинее. И что, вы думаете, говорило начальство по этому поводу?

— Не забывай о представленности! Внедряй в магазин весь ассортимент — и увидишь, как он работает.

В общем, навестить Верясова я осмелился только через неделю.

— А, компания «Грант»! — воскликнул он при виде меня. — Ну, иди сюда, иди, мой хороший. Хочешь спросить, не созрел ли я для новой партии арахиса к пиву? Не так ли?

— Именно, — ответил я, держась от него на расстоянии.

— Вон он лежит, твой арахис, на полке посреди круп. И на той, где консервы, он тоже лежит. Его можно найти даже в отделе бытовой химии. А это, думаешь, что такое? Стекло и гудит. Скажи мне?

— Холодильник.

— Правильно. И вместо краковской колбасы в нём всё тот же арахис. Проще сказать, где его нет, чем перечислить обратное. Я раздаю твой товар вместо сдачи, а за покупку пива от тысячи рублей дарю просто так. И он всё равно не кончается. Можешь представить?

У меня не повернулся язык предложить ему мерчандайзинг.

План продаж — коварная штука.

Высшим пилотажем было выполнить его тютелька в тютельку. Тогда прибавка на следующий месяц составляла двадцать процентов. Если же ты рвал жилы, как какой-нибудь стахановец, тебе также прибавляли двадцать процентов, но уже не к плану, а к тому, что ты реально продал. Если прожжённым торговикам улыбалось отоварить

магазин по полной программе, они расписывали продажи на несколько недель вперёд. Супервайзер и региональный менеджер молча этому попустительствовали. Они тоже не были заинтересованы в резком увеличении сбыта. Дистрибуция в регионе должна была развиваться постепенно, из месяца в месяц, чтобы планы всегда было можно закрыть и, стало быть, получить достойную премию.

Объяснил бы мне кто эту мудрость заранее! Но, увы, мне пришлось постичь её на собственном горьком опыте. После того как, прогрузив Верясова, я намотался на двухсотпроцентную прибавку к своему валу!

Само собой, необходимо было как-то выкручиваться. Поэтому очередной жертвой я наметил единственный на своём маршруте сетевой магазин «Мирта». Я надел свадебный костюм, начистил туфли, так что сквозь них было видно носки на ногах, побрился и в таком щегольском виде вошёл в просторный торговый зал, благоухавший удурманивающим ароматом «Мистера Пропера» с лимоном и лаймом.

— Семечки? — переспросила заведующая, когда я представился.

Невысокая полная женщина, казалось, воплощавшая собой идеальный образ представителей данной профессии. Уверен, именно так и представлял себе Бог заведующих сетевыми магазинами, когда создавал мир.

— А почему бы и нет? — пожал плечами администратор.

Тридцатилетний тип с аккуратной бородкой, в модных, идеально квадратных очках при чёрной оправе. Уж не знаю, какая муха его укусила, но он явно был на моей стороне. Абсолютно расслабленный тип, как Будда или Гребенщиков. Либо он сидел под феназепамом, либо под планом, либо под чем-то таким, о чём знали лишь избранные. Храни его Иисус.

— Да у нас и так целый стеллаж с семечками, — возразила заведующая.

— Ну, будут ещё одни. Тем более у них есть возврат. — Возврат и ротация, — подтвердил я. — Товар, у которого заканчивается срок годности, мы меняем на свежий. Вы абсолютно ничем не рискуете, в отличие от покупки семечек «Загородных» с оптового склада.

— Вот видишь, — произнёс администратор.

— Ну, хорошо, Алексей. Уговорил, — произнесла заведующая. — Я сейчас занята, принимаю молочку. Поэтому подготовь пока что товар, только немного, тысяч на десять, и заезжай после пяти.

Десять тысяч! Для семечек это была колоссальная сумма. Даже по самым скромным подсчётам выходило, что «Мирта», с её пропускной способностью, будет закупаться у меня раз в неделю, не реже. И ведь это они взяли только на пробу. На какие же суммы они станут отовариваться, когда

потребитель наконец-то распробует наше первоклассное семя подсолнуха, выращенное под ласковым солнцем Краснодарского края? Выходило, что в скором времени мне будет достаточно посещать одну «Мирту». А свободное время можно будет тратить на занятия живописью и литрболом.

В ожидании вечера я дул чёрный кофе вприкуску с пирожным, обосновавшись в кафешке напротив. Наверное, я боялся, что стоит мне отъехать на соседнюю улицу — и магазин тут же закроется. Из него спешно вывезут весь товар и оборудование, а заведующая вызовет такси до аэропорта. Улетит на Тенерифе с тремя пересадками, где я её никогда не найду.

Я пил кофе, выходил покурить и снова возвращался в кафешку. Я не спускал глаз с магазина. А там полным ходом шла приёмка товара. Грузовик с улыбающимся котом из «Простоквашино» сменился машиной с красным быком во все кузов, затем подкатил пятитонник с пшеничными колосьями на борту, и оттуда принялись выгружать пиво. После пива настал черёд бакалеи, потом свежего мяса, и, наконец, безбожно скрипя сайлентблоками, словно совершив прямой рейс из Узбекистана, к магазину подкатила машина, груженная фруктами. Я, наверное, выкурил целую пачку сигарет и выпил молоково-кофе, а приёмка всё продолжалась. На моих глазах они приняли товара на несколько миллионов рублей. Товара, содержащего канцерогены, красители, ароматизаторы, идентичные натуральным, и консерванты. Все эти заглавные буквы Е с цифрами как на могильном камне. От них у людей выпадали волосы, разрушалась печень и формировались новообразования. Да весь этот товар не шёл ни в какое сравнение с нашим натуральным продуктом. Содержащим витамины и минералы, эфирные масла, белки и аминокислоты. И вот я сидел и ждал своей очереди, хотя по праву должен был идти первым.

В четыре часа я начал готовиться. Из дома я прихватил две большущие сумки и теперь принялся остервенело забивать их упаковками семечек, плотно утрамбовывая руками товар, чтобы влезло как можно больше. Мешки были пыльными, я перепачкался. Без химчистки костюм уже не отчистить, но мне было плевать. У меня появилась цель жизни. Забить сетевик семечками. Забить до самого потолка. Чтобы двери не закрывались. А если их всё же закрыть то, чтобы где-нибудь обязательно взорвалось хотя бы одно маленькое окошко, не выдержав давления подсолнечной массы.

Ровно в пять я двинулся с сумками к магазину. Заведующая стояла у касс, о чём-то беседуя с продавщицей. Я не успел и раскашляться. Она меня сразу заметила. С сумками и в пиджаке я привлекал к себе внимание почище нудиста на детской площадке.

— А, семечки! Мы с вами, кажется, попрощались?
— Мы договаривались сегодня на пять,— сказал тупо я. Хотя и так всё было понятно.
— Разве сегодня?
— Сегодня.
— Надо же, совершенно вылетело из головы,— она старательно разыгрывала беспамьятство, но я видел, что происходящее доставляет ей удовольствие.— К сожалению, я уже сдала все наличные деньги.
Через два дня я снова припарковался у «Мирты». Семечки из сумок я так и не вытащил. Даже напротив. В прошлый раз я приходил с двумя сумками. Теперь их стало четыре. Схватив по две в каждую руку, я бодро взбежал по крыльцу. Двери передо мной спешно раздвинулись. Будь я проклят, если они сделали это не быстрее, чем прежде. Они мне уступали дорогу, чёртовы автоматы с мозгами Каспарова. Чувствовали, что иначе я пройду прямо сквозь них.

Олимпийским шагом я устремился в глубь торгового зала. Люди в магазине провожали меня недоуменными взглядами. Но я невозмутимо пёр дальше, словно имел на это полное право.

Толкнув дверь в подсобку, я оказался в тесном извилистом коридоре, заставленном коробками из-под продуктов. Сумки с семечками нещадно колотили мне по ногам, отскакивая от препятствий. Поэтому я пошёл боком, приставными шагами, как на уроке физры. И именно в этот момент за очередным поворотом столкнулся с администратором. Я чуть не сбил его с ног, честное слово. А он ошалело уставился на меня, как на наркотический глюк.

— Чем могу быть полезен?— наконец спросил он.
— Семечки «Грант». Мы договаривались о поставке. Принимайте товар.

Какое-то время он колебался. Мысль, пришибленная тгк или чем он там просветлялся, беспомощно ворочалась за линзами квадратных очков. Хотелось протянуть руку и хорошенечко её тряхануть.

— Пройдёте ко мне в кабинет.

Я с облегчением поставил сумки на пол. Я не чувствовал пальцев. Тонкие ручки передавали их, как удавки. Ещё немного—и пальцы было бы не спасти. Я рисковал стать первым торговым представителем, пострадавшим на производстве. Администратор тем временем принялся пробивать семечки. Штрих-кодер пищал в его руке, словно восьмибитная приставка, когда игрок убивал босса. После каждого писка администратор кидал товар в пустую коробку из-под китайской лапши. Пробивал и кидал, пробивал и кидал. И так без конца. Я нарочно распечатал мешки, чтобы у меня не было пути к отступлению. Этаким психологический ход. Или я выставлю семечки в «Мирте», или, в случае неудачи, в течение нескольких месяцев встречаю при пересчёте бортов.

Полчаса администратор возился с товаром. У него даже сбилось дыхание. Но надо отдать ему должное. Он ничем не выказал недовольствия. Возможно, просто залип на всё это дело.
— А теперь пойдёте к Светлане. Она выпишет накладную.

С этого дня у меня началась вольготная жизнь.

Работу я заканчивал ближе к обеду. Объезжал точки, здоровался с продавщицами и сваливал. Маяков у нас не было, чем я бессовестно пользовался. Чем все мы бессовестно пользовались. Веселуха царила как в детском саду в тихий час, пока воспитатели гоняли на кухне чай.

— Лёха, здорово!— звонил мне в четыре часа наш торговец Серёга. Его голос, как правило, был уже пьяным. По утрам он выносил со склада не одну коробку с шампанским, которое нам выдавалось для подкупа продавцов.— Ну что, вье...ваешь в поте лица?

— А как же? Ещё двадцать точек осталось,— отвечал я таким же невменяемым голосом.

Шампанское у меня тоже шло на ура.

— Ха-ха-ха. Поди, уже целый вагон отгрузил?

— Сегодня вообще продаж нет.

— Такая же, блин, херня.

А вечером Серёга публиковал в рабочей группе «Вайбера» отчёт с самыми высокими продажами за день по всему филиалу. Я даже выявил закономерность. Прямо пропорциональную, как говорят математики. Чем больше Серёга жаловался по телефону, тем более высокие продажи потом заявлял. Одним словом, играл краплёными картами. Поэтому я тоже начал хитрить. Такой концентрированной, дерзкой, неслышанной и при этом максимально правдоподобной дезинформации не передавали даже фашистам советские войска во время операции «Багратион».

— Лёха, рад тебя слышать! Ха-ха. Пятницу отмечаешь?— позвонил он мне как-то в день особо удачной отгрузки «Мирты».

Я действительно с одиннадцати утра пил шампанское. Пил, словно изнывающий от скуки гусар между походом Наполеона и восстанием декабристов, но постарался взять себя в руки.

— Отнюдь.

— Удачно сегодня поторговал?

— Вообще по нулям,— с чувством, толком и расстановкой произнёс я.

Эх, дорого бы я отдал, чтобы хоть мельком взглянуть на его рожу, когда вечером он открыл мой отчёт с пятнадцатью мешками семечек и десятью мешками арахиса. И все за наличку. Копейка к копеечке.

А ещё один наш торговец, Ваня, строил в рабочее время дачу. Каждый день, откатав по-быстрому точки, он срывался за город. Сто километров в каждую сторону. Пробеги в конце дня он заявлял

бешенные (для отчётности мы отправляли всё на тот же «Вайбер» фотографии одометра), но продажи у него были стабильно высокими, и Ваню не трогали. Он не признавал продажи нескольких пачек на пробу и отгружал сразу мешками. Заходил в точку, обворожительно улыбался и через минуту отсчитывал сдачу за партию товара. Когда он уволился, весь его маршрут был прогружен на полгода вперёд, а на даче оставалось лишь прикрутить пару лампочек и протереть абажуры.

Саня, так тот вообще вместо объезда маршрута бомбил. Вечером он отчитывался о продаже ровно двух пачек семечек. Ни больше ни меньше. Иногда это были пачки жареных семечек, иногда солёных. А порой он заявлял пятьдесят на пятьдесят. Вот все возможные варианты. Складывалось впечатление, что он их просто съедал в ожидании клиентов. И, конечно же, в понедельник, после двух выходных, у него выстреливал арахис.

Три месяца я закрывал план за счёт «Мирты».

Сначала семечки «Грант» занимали нижнюю полку длиннущего, размером с товарный вагон, стеллажа со снеками. Постепенно, посещение за посещением, ящик шампанского за ящиком шампанского, я захватил и среднюю полку, вытеснив с неё сушёную рыбу, анчоусы и кальмары. И под конец отжал торговое пространство у чипсов, свиных ушей и колбасок к пиву.

Само собой, останавливаться на достигнутом я не мог. Мой план продаж рос быстрее, чем стоимость доллара при Ельцине, и чтобы его выполнять, мне необходимо было продавать не машинами, а складами, и желательно каждый день. Поэтому в начале третьего месяца я подошёл к заведующей с сертификатами «Л'Этуаль». На них я возлагал особенные надежды, хорошо понимая, что советская шипучка с лошадиной дозой диоксида серы не предназначена для утончённых женских желудков. Десять сертификатов по сто рублей каждый. Вот всё, что мне дали на месяц для завоевания мира. Но зато каждый сертификат покоился в отдельном подарочном конверте, выглядевшем так, будто внутри ни много ни мало чек на миллион долларов. Да такие конверты было не стыдно дарить и отдельно, без материального бонуса. Лет через десять, уверен, последний уцелевший реликт этой серии будет выставлен в музее Прадо, напротив полотна Ван Гога и Сальвадора Дали.

— Что же ты не сказал раньше? — озираясь по сторонам, прошептала заведующая, пряча в широком кармане халата сертификаты. — На выходных у моей подруги день рождения. Нужно ей выбрать подарок.

Ха-х! Бьюсь об заклад, что эта жадина никогда не ходила на дни рождения. И свои не устраивала. Напивалась халявным шампанским в одно лицо, принимая поздравления по скайпу. Вай-фай у неё, конечно же, был безлимитным. И оплачивали его

такие же бедолаги, как я. Зимой — торговый представитель на мороженом «Славица», летом — на термобелье «Дядя Ваня».

— Видишь стойку с «Бабкиными семечками»? — спросила она. — Перекидывай их в тележку, а на их место выставляй «Грант». Кстати, сколько у тебя ещё сертификатов осталось?

— Пять. Но они под строгим отчётом.

— Можешь занять и стеллаж с «Дачными семечками».

Неделю после этой отгрузки я не выходил на маршрут. Там было просто нечего делать. Единственное, что ждало меня в скором времени, — ротация продукции. Когда до истечения срока годности семечек оставалось несколько месяцев, мы меняли их на более свежие, выставляя старые пачки в качающих точках. Но так как особой ухитимостью не мог похвастаться ни один магазин, в конце концов обязательно должно было наступить время, когда просрочка хлынет обратно в компанию, где её немедленно вычтут в виде штрафов из заработной платы торговиков.

Помня об этом, каждый из нас тайно подыскивал «запасной аэродром», как выражался Серёга.

Продаж не было. Дело дошло до того, что, подехав однажды к своему магазину, я встретил там Ваню. Он шёл вразвалку мимо продовольственных полок к стойке с семечками, явно намереваясь восполнить убыль товара.

Увидев меня, он расплылся в своей бесподобной улыбке:

— А, Лёха, здорово!

— Ваня, что ты здесь делаешь?

— Просто проезжал мимо. Решил узнать, как дела.

Он улыбался, как какой-нибудь мультяшный герой. До самых ушей. Его выпученные глаза нездорово поблёскивали. Он буквально гипнотизировал меня своим взглядом.

— Ваня, какого чёрта?

— Послушай, если у тебя не получается прогрузить магазин, давай это сделаю я. Стойка почти что пустая. А до тебя я работал на этом маршруте. У меня тут всё схвачено.

— Ваня... твою мать!

— Всё-всё, ухожу, — произнёс он, улыбаясь.

А следующим утром подал заявление.

28.

— Вы нам подходите.

— Что ж, — от неожиданности откашлялся я. Собеседование длилось от силы минуту, за которую мы только и успели что друг другу представиться да поговорить о детстве и погоде на завтра. — И когда можно приступать к исполнению своих обязанностей?

— Сегодня же. Сперва поработаете на подмене. Потом мы выделим вам собственный маршрут, — затараторил Виктор Романович, начальник отдела

продаж компании «Бизон». — Сотрудники у нас не были в отпусках несколько лет. А мы трепетно относимся к своим кадрам. Можно сказать, мы здесь одна большая семья. Вместе празднуем дни рождения, новоселья. Я, например, крестил первенца Павла Николаевича. А Вячеслав Викторович был свидетелем на свадьбе Игоря Александровича. Сказать откровенно, Игорь Александрович познакомился со своей женой здесь же, в компании. Она работала в сегменте B2B продаж. Три месяца как ушла в декрет. Теперь мы гадаем, кому из нас выпадет честь крестить сына Игоря Александровича.

На мой взгляд, всё это больше напоминало не семью, а какую-то религиозную секту. Разумеется, деструктивного плана. Из тех, где всё крепко замешано на промискуитете.

— Да, мы не просто продаём отличную колбасу, доля рынка которой, к слову сказать, составляет тридцать пять процентов от общего вала по югу Красноярского края, — продолжил начальник. — Но и завязываем товарищеские отношения. Пройдут годы, мы давно сменим места наших работ, но дружба, которую мы здесь обретём, останется до конца жизни.

— Очень на это надеюсь, — произнёс я.

— В таком случае распоряжусь, чтобы девочки из бухгалтерии подготовили ваш трудовой договор.

И он выскочил из кабинета.

А мгновение спустя снова появился в дверях.

— Алексей Владимирович, пройдётесь в цех на экскурсию.

Я поднялся, и мы побежали на улицу. Вниз по лестнице, потом по коридору налево, мимо поста КПП. Видимо, охранники давно привыкли к манере передвижения Виктора Романовича, потому что зелёная стрелка на табло электронного турникета загорелась ровно за мгновение до того, как он пролетел пост на всей своей бешеной скорости.

— Можете не одеваться. Тут близко, — бросил он, не оборачиваясь.

Через мгновение мы оказались снаружи. Территория завода больше всего напоминала провинциальный аэродром. Теряющаяся вдали дорога, замётённая снегом, и ряд бесцветных ангаров чёрт его знает как далеко. Производственное здание из синих панелей ЛДСП было еле видно сквозь утреннюю морозную дымку. Отсюда оно казалось игрушечным. Я с содроганием вспомнил, что сегодня по радио передавали тридцать градусов ниже нуля, но уже буквально в следующую секунду обнаружил себя взбегающим по металлической лестнице ко входу в цех.

— Производство, как я говорил, у нас небольшое. Зато мы используем только качественную продукцию. Никакой химии, — тараторил начальник, выхватив из рук встречавшего нас технолога спецодежду — белый халат, бахилы и шапочку. Одевался он на ходу. Я с трудом за ним поспевал. — Это

цех обработки сырья, цех дефростации, производственный цех, помещение для хранения и подготовки специй, посудомоечное отделение. Как видите, везде царят полный порядок и образцовая чистота.

Мы перебежали из помещения в помещение, будто кто-то гнался за нами. Железные баки сменились конвейерной лентой, которая, в свою очередь, упёрлась в огромный барабан похожий на центрифугу машины.

— И наконец — цех копчения, — торжественно объявил начальник, проведя меня в комнату со здоровенными металлическими ящиками, напоминавшими древние холодильники. — Уже сегодня из этого самого цеха на прилавки магазинов нашего города отправятся «Москворецкая» и «Новороссийская» сырокопчёные колбасы, разработанные по моей собственной рецептуре. Москвичи, не буду называть компанию, вам она, несомненно, известна, предлагали мне хорошие деньги за то, чтобы я раскрыл тайну превосходного вкуса нашей продукции. Но я отказался. Для меня интересы собственного работодателя важнее всего. А также интересы наших людей, обыкновенных сибиряков, заслуживших того, чтобы питаться экологически вкусным продуктом по демократичной цене. А теперь прошу вас проследовать на дегустацию.

Мы вернулись к исходной точке маршрута.

Технолог стоял на прежнем месте. На этот раз в руке у него была керамическая тарелка с кусочками порезанной колбасы на пластмассовых шпажках. Для полного счастья не хватало только рюмки ледяной водки.

— Пожалуйста! — произнёс начальник.

От сытного вида колбасы у меня потекли слюнки. Но в тот самый момент, когда я потянулся к тарелке, дверь в цех открылась, и на пороге появился меланхоличного вида молодой человек с планшетом в руке.

— Павел Николаевич, вы как раз мне нужны. Сегодня отправитесь на маршрут вместе с Алексеем Владимировичем. Введите его, пожалуйста, в курс дела. Ознакомьте с ассортиментом, спецификой нашей работы, программой в планшете. А мне пора бежать.

— Хорошо, — ответил грустный торговец.

Начальник пулей выскочил из помещения. И тут же в рабочую группу в «Вайбере», куда я, зарядившись чудовищной работоспособностью Виктора Романовича, уже успел сегодня вступить, пришло сообщение.

Вернее, письмо на несколько тысяч знаков, не меньше.

«Дорогие коллеги!

Только что я подал заявление о своём уходе из компании «Бизон». В связи с чем хочу поблагодарить вас всех за сотрудничество. Это был интересный

и крайне плодотворный период моей жизни, который многому научил меня как руководителя и человека. У нас были победы. Были и трудности. Но мы успешно их преодолели благодаря сплочённым усилиям всего коллектива. Так что теперь, по прошествии восьми месяцев совместной работы, могу с гордостью заявить: компания уже не та, что была прежде. Она больше не находится на грани банкротства, а уверенно развивается, из месяца в месяц увеличивая долю продаж. Это наше общее достижение. Без вас ничего бы не получилось. Вы настоящие профессионалы своего дела, и я буду скучать по каждому из вас до конца своих дней.

К сожалению, жизнь не стоит на месте. Нужно двигаться дальше. Мне поступило выгодное предложение из другой компании, и после долгих раздумий я решил согласиться. Как любому женатому человеку, мне нужно думать в первую очередь о своих близких — жене и новорождённом сыне. Ради их счастья, складывающегося в том числе и из материального благосостояния, я и живу. Надеюсь, вы поймёте меня и не осудите.

Я же со своей стороны заверяю, компания не останется без надёжного руководителя. Через две недели, когда моё заявление вступит в законную силу, кресло начальника отдела продаж займёт Игорь Александрович. Это опытный, зарекомендовавший себя исключительно с положительной стороны человек, знающий специфику нашей работы не понаслышке. У него, можно сказать, в компании семейный подряд, поэтому и относиться к своей работе он будет со всей возможной ответственностью. На маршрут Игоря Александровича, в свою очередь, встанет Алексей Владимирович — новый член нашего коллектива. Крайне перспективный работник. Думаю, вам известно, насколько безошибочно я разбираюсь в деловых качествах подходящих к нам кандидатов. Поэтому, как говорится, прошу любить и жаловать.

На этом, пожалуй, всё. Продолжаем работать в прежнем режиме. У нас амбициозные цели — к концу года выйти в лидеры продаж. И мы сможем достичь этого лишь сообща».

— Ну вот, — меланхолично произнёс Павел Николаевич, — ещё один не выдержал и сбежал.

— Текучка кадров? — спросил я.

— Третий за последние два года.

Я всё-таки отправил в рот «Бальковую». Вкус у неё был отменным. Как у туалетной бумаги «Зева плюс», если её хорошенько поперчить и пропитать усилителем вкуса.

29.

— Что с продажами, Лёха?

— Лучшее всех, как всегда, — произнёс я.

— За...ал! — выпалил супервайзер. Его глаза остекленели от гнева. Причём моментально. От нуля

до сотни за долю секунды. — У тебя каждый день лучше всех, а процент выполнения в заднице. Ты продал бочку «Митасу» Заболоцкому? Осталось три дня, а у тебя по маслу провал.

— Он всё ссылается на какой-то кредит. Говорит, денег нет.

— Ты совсем долбо...б или придуриваешься?

— Выбирай выражения, Андрей!

— Да, Андрей, — вмешалась в разговор Света, выделенный бренд-менеджер по «Total». — Такое поведение для начальника неприемлемо. Нужно, в конце концов, соблюдать субординацию.

— Ты вообще замолкни там, курица крашенная.

— Что значит «замолкни»? — распалилась Света.

Её нарисованные татуашью брови подскочили под самую чёлку. — Ты хоть маленько следишь за своей речью? У тебя же через каждое слово «бл...», «придурак» и «долбо...б».

— Потому что вы, тупорезы, только это и понимаете.

— Это не мы тупорезы, а ты. И уж если на то пошло, я считаю, что компетентный начальник должен находить более корректные, а главное, действенные методы воздействия на подчинённых. Если он умеет только орать, значит, ему место на плацу в армии.

— Какой плац, дура? Начиталась «Горе от ума» Достоевского?

— «Горе от ума» написал не Достоевский.

— А кто тогда, курица?

— Гоголь! — торжествующе воскликнула Света.

— Какой Гоголь, придурашная? — кричал супервайзер. Слюни вылетали из его рта, падая от меня всего лишь в нескольких сантиметрах. — Лёха, ты у нас учитель литературы. Кто написал «Горе от ума»?

— Они оба, в соавторстве.

— Вот видишь, придурак?! — торжествующе воскликнула Света.

Но супервайзера смутить было нельзя. Склонившись над компьютером, он яростно защёлкал мышью, явно намереваясь совершить какое-то зло. Его глаза блестели сатанинской ненавистью. — Так, сколько тонн у тебя стоял план по трансмиссии? — спросил он у Светы.

— Пять. И я уже их закрыла.

— Как бы не так. Теперь у тебя план десять тонн!

Его слова тут же вызвали всеобщее оживление. Торговые представители, сидевшие до этого, уткнувшись в ноутбуки, принялись громко смеяться, подтрунивая над провинившейся.

— Светка намоталась на штраф.

— А давайте повесим на неё и план по тосолу?

А то я в душе не е...у, кому его ещё можно скинуть.

— Нет, пусть лучше займётся аккумуляторами.

— Минуточку! — перекрывая шум голосов, провещала Света. — Одну минуточку, пожалуйста. Андрей, ты не имеешь права менять план в конце месяца. Так не делается.

— Кто тебе такое сказал? Может, это у тебя в трудовом договоре написано, которого нет? Лучше закрой свою дырку для члена, пока я не подкорректировал и твой план по «Elf».

Тут торговтики согнулись напополам. Смеясь, они стучали рукой по столу, словно прося пощады на ринге.

— Так, Лёха, напомни, на чём мы с тобой остановились, пока не вмешалась придурочная?

— На том, что у Заболоцкого нет денег.

— Ты совсем долбо...б или как?— войдя с ходу в прерванный диалог, злобно произнёс он.— Он вешает тебе лапшу на уши, а ты веришь. Это у тебя денег не будет, если ты не размотаешь его до конца месяца. Пойми, никто не будет заниматься бизнесом себе в убыток. Таких дураков нет. Он же сидит там каждый день? Ну скажи мне: сидит?— Сидит.

— И полгода говорит, что продаж нет. Тебе самому-то не кажется, что здесь в чём-то подвох? Значит так,— выдержав паузу, продолжил Андрей. Его глаза, казалось, сейчас треснут от гнева. Как иллюминаторы батискафа, опустившегося на дно Марианской впадины.— У тебя остаётся три дня, чтобы продать Заболоцкому полтонны «Митасу». Отвечаю, вечером тридцать первого я разобью тебе весь е...льник, если ты не дождёшь план.

— Андрей, хватит орать на меня!

— Тогда повтори, чтобы все слышали, что к четвергу ты это сделаешь.

— Продам, зае...ал!

— Что именно продашь?

— Продам две бочки «Митасу».

— Е...на в рот. Мне из тебя клещами, что ли, тянуть?

— Торжественно обещаю, что к четвергу сего месяца этой недели я продам гражданину Заболоцкому Александру Николаевичу две бочки синтетического масла «Митасу» вязкостью пять вз сорок и пять вз тридцать.

Походило на детский сад, честное слово.

— Ребята!— привстав, прокричал супервайзер.— Все слышали Лёху?

— Слышали, да!— раздалось отовсюду.

В офисе опять поднялось оживление. До конца рабочего дня оставалось всего пять минут. Был шанс, что, закончив со мной, все отправятся по домам, избежав собственной головомойки. Поэтому каждый старался вставить свой комментарий, выслушать ответы других и снова прокомментировать услышанное, запуская механизм генерации реплик по новому кругу.

— Лёха,— толкнул меня локтем Жека, тип с зализанной гелем причёской.— Можно, после смерти я заберу твой телефон?

— Эй! Тогда я забираю машину,— воскликнул Валера.

— И машина достанется мне. Понял, жирдяй?

— Ни черта подобного.

Жека неожиданно рванулся к Валере. Поставив ногу на стол, словно готовясь немедленно прыгнуть на неприятеля, он широко замахнул правой рукой, демонстрируя самые враждебные намерения. Но Валера сидел как сидел, не моргнув глазом, и Жека с достоинством опустился на стул, прикрывая отступление остроумными шутками.

— Ударю— ты ещё забрызгаешь стены жиром. А мне убирать.

— А сдача не зае...ёт?

— Ну-ка,— снова дёрнулся Жека.

На этот раз Валера рефлекторно подался назад. Офис тут же отреагировал на это приступом хохота.

Бросив в Валеру шариковой ручкой, Жека принялся потешно кривляться, изображая бесстрашного мачо. Он показывал бицепсы, боксировал с тенью, рвал чьё-то горло зубами. Наконец, прикоснувшись рукой к невидимой шляпе, он исполнил дорожку Майкла Джексона. Продефилировав к выходу, Жека задом выплыл наружу, что-то провизжав на прощание.

— Господи. Ведёте себя как малые дети, ей-богу,— закотив глаза, рассмеялась Света.

30.

— Добрый день, Наталья. Как ваши дела?

— Здрасьте, здрастьте,— добродушно отозвалась клиентка. И тут же без какой-либо связи со сказанным её глаза округлились, будто она увидела привидение.— Ой, Алексей!— истошно прокричала она, хотя была от меня только в шаге.— Что случилось?— как можно спокойнее произнёс я.

— На прошлой неделе мы заказывали с вами камеру на тринадцать, а она оказалась дырявой.

Наталья принялась суетливо бегать по своему вагончику с автомобильными запчастями взад и вперёд, на каждом шагу что-нибудь задевая. То высоковольтные провода и шланги, то канистры с тосолом, то коробки с компрессорами и зарядными устройствами. Объёмной она была, как два двойных гамбургера на открытии «Макдональдса», и едва помещалась в узеньком павильоне.

— Вот посмотрите.

Она протянула мне камеру с робкой, полной надежды улыбкой.

— Без проблем,— сказал я.— Сейчас напишем претензию. Отдадите её завтра вместе с камерой водителю-экспедитору, и в течении двух недель на ваш счёт придут деньги.

— Да, будьте добры, напишите. Водитель, наверно, проткнул её чем-то при перевозке. У него была полная машина глушителей. А вчера, когда я её продавала, покупатель заметил прокол. Она не использованная. Честное слово. Скажите, пожалуйста, там у себя.

— Обязательно. Не переживайте, Наталья.

— Ой, Алексей! Алексей! — снова заорала она на весь мир.

На этот раз меня передёрнуло. Я сделался очень нервным в последнее время. И всё из-за этой безумной работы. Как хорошо было бы жить на космической станции. Не спеша мастерить какой-нибудь модуль или рекламный щит для туристов, а на связь с Землёй выходить раз в неделю. Но Наталье я, конечно же, этого не показал. Я даже выдавил из себя какое-то подобие улыбки. В конце концов, улыбаться — главная обязанность торгового представителя. Улыбка была производной успеха. Выяснение потребностей, борьба с возражениями, заключение сделки — всё это следовало делать только после того, как ты хорошенечко кому-нибудь улыбнулся.

— Я вас слушаю, — сказал я.

— Хотя ладно, — рассмеялась Наталья. — Отбой.

Что она вспомнила, знать, честно говоря, не хотелось. Даже из чистого любопытства. Нужно было срочно направить её в плодотворное русло, пока ей кто-нибудь не позвонил, не зашёл в гости, не умер, не родился, не заболел, не забеременел и не запил. Мир таил в себе столько всевозможных комбинаций событий, способных отвлечь внимание Натальи, что практически не было никаких шансов их избежать.

— Итак, что у нас сегодня первое в списке?

Наталья взяла в руки тетрадку с заявкой. Она читала медленно, с совершенно неуместной восторженностью девочки-комсомолки, словно перед ней были стихи Мандельштама или «Капитал» Карла Маркса:

— Масло «Роснефть», пять вэ сорок, полусинтетика. Две четырёхшки и пять литрушек.

— Готово. Дальше.

— Масло «Синтек» появилось?

— Пока нет. Привезут через неделю.

— Тогда красный антифриз, упаковку пятёрок.

Постепенно я стал успокаиваться. Если мы и дальше пойдём таким резвым галопом, то наколотим заявку за пару минут. У меня даже появилась надежда продать Наталье «Митасу». Хотя несколько четырёхлитровых канистр. Но тут, будь прокляты двери, к нам на огонёк заглянул дядя Наталья. Он как две капли воды походил на похудевшего Петросяна. И был таким же нудным и несмешным. Почему-то он всегда приходил именно в тот момент, когда я делал заявку.

Стоило ему появиться, и Наталья отложила тетрадь, расплывшись в такой счастливой улыбке, что мне сделалось дурно. Я понял: это надолго. И действительно, обсудив преступника-наркомана, разбившего прошлой ночью припаркованный во дворе Натальи чей-то новенький автомобиль, они переключились на внешнюю политику. Нефть дешевила, американцы снова разместили в Европе

ракеты, на этот раз почти у самых наших границ, а на Японию, будь она проклята, обрушился небывалый тайфун. Они говорили и говорили, а когда тема, подобно угольному разрезу, полностью вырабатывалась, переключались на новую, и так без конца.

— Два комплекта ромашек на восьмёрку, — бросила клиентка мне между делом и повернулась опять к своему родственнику. — А мой-то, балбес, вчера схлопотал двойку по математике.

— Это ничего, — ответил он с видом Петросяна, только что вернувшегося из буддистского монастыря. — Как-то моему сыну задали сочинение на тему: «Как я провёл лето». Так он написал: «Летом было жарко. Потом пришла осень», — Тут Петросян выдержал паузу, чтобы мы могли оценить шутку юмора. — Зато сейчас работает дальнобойщиком. Заколачивает огромные деньги.

— Вот видишь, как оно в жизни бывает!

— Глядишь, с такими успехами твой ещё станет физиком-ядерщиком.

— Ой, да ладно тебе.

— А чему ты удивляешься? Недавно где-то читал: мол, учёные доказали, что талант есть у каждого человека. Нужно только дать ему возможность раскрыться.

— Так два комплекта ромашек? — перебил я.

Это было чертовски невежливо с моей стороны. Но что делать? От этих двоих у меня уже кипели мозги. Я начинал понимать, почему сын Наталья получал одни неуды. Они просто не давали бедному ребёнку готовиться. Забалтывали его до полусмерти.

— Поставили? — спросила Наталья, опустив голову в свои записи. — Кронштейн краба на «Жигули», одна штука, — и снова обратилась к гостю: — Нет, дудки. Пойдёт, как мамка, торговать запчастями. — И то хорошее дело. А считать ты его быстро научишь.

В этот момент в магазин зашёл мальчик.

— А вот и Вячеслав, — пропел дядя. — Ну что, пойдёшь к мамке торговать запчастями?

— Пойду, — охотно ответил мальчишка.

Он был очень милым созданием. Улыбчивый, ласковый мальчик с синеньким ранцем. Он в жизни не совершил никакого греха, но я готов его был убить, честное слово.

— Хорошо учишься в школе? — поддерживал разговор дядя.

— Не-а, — улыбувшись, покачал головой мальчик.

— Плохо?

— Так себе.

— Четыре и пять?

— Есть несколько троек.

— А пятёрки?

— По физкультуре. Хм-м... И ещё музыке.

— Петь, значит, любишь?

— Ага. Вот так, — сказал мальчик и начал петь.

Пока он пел, Натальина улыбка становилась всё светлее и шире. Она чуть не плакала. А мальчик пел одну ноту. Тянул ля в фа-мажоре. Под конец в магазине все улыбались. Я тоже постарался придать лицу как можно более дружелюбные очертания. Не думаю, на меня никто не смотрел. Все смотрели на мальчика, который, закончив упражняться в вокале, отвесил галантный поклон, как дворянин после танца.

— Что-нибудь ещё? — спросил я Наталью.

Но она всё ещё пребывала в блаженной про-страции, явно грезя о тех временах, когда её сын станет оперной дивой, собирая многотысячные концертные залы, и не ответила.

— В таком случае до пятницы. Всего вам доброго. До свидания.

Закрыв ноутбук, я потянулся к входной двери.

— Ой, Алексей, Алексей! — заорала Наталья.

— Да?

— А как же возврат?

31.

— Так, мне хомутиков на десять три штуки, — диктовал Лестин. — Медных шайб на восемь. Пять штук. Затем болтиков, тоже на восемь. В какую они у вас нынче цену?

— Два рубля семьдесят копеек.

— Подорожали, однако. А, чёрт с ним. Поставь парочку.

— Будет исполнено, — отрапортовал я.

— Теперь, мне нужны два лобовых сальника на «Жигули». И упаковку вот таких клипс, — при этих словах он начал по-стариковски беспомощно шарить глазами в округе в поисках клипсы, верно, чтобы показать её мне воочию. Он был слеповат и забывчив. — Галя, ты помнишь, куда я дел клипсу?

Из подсобного помещения вышла Галя. Светловолосая женщина лет тридцати, с грустными, как у сексуальной рабыни, глазами. Ещё неделю назад она абсолютно охотно откликнулась на Иру.

— Лежала у тебя на столе.

— Где? Я не вижу.

— Да вот же она, под тетрадкой, — воскликнула Галя.

— Ага, — сощурившись, произнёс Лестин. Несколько секунд он пристально разглядывал клипсу. — И вот их поставь штук семь. Хотя нет, лучше восемь. Да, восемь.

Я начинал закипать. Почему, собственно, восемь, а, скажем, не семь с половиной? Мой месячный план по валовой выручке составлял семь миллионов. А мы потратили пятнадцать минут, забывая десять позиций на общую сумму двести двадцать рублей.

Но Лестин на то и был Лестиным, чтоб удивлять. — А теперь поставь крестовин «Браво» на «Жигули», — произнёс он. — Двести штук.

— Двести? — не смог я сдержать удивления.

— Да, двести.

— Но они дорогие!

Встрепенувшись, Лестин подался к ноутбуку, ткнувшись носом в экран.

— Сколько стоят?

— Двести десять рублей одна штука.

— А-а-а, — протянул расслабленно он. — Так это недорого. Ставь.

Что на него нашло? Астрологи предсказали, что в ближайшее время мировые валюты обвалятся и единственное, что будет оставаться в цене, это российские крестовины китайского производства? Или он впрыгивал их вместо леденцов детям? Бог его знает. Но лучшего момента, чтобы предложить «Митасу», было трудно придумать.

Зевнув, я как можно безразличнее произнёс:

— А как у вас продажи по маслу?

— Нет, спасибо. Масла у нас ещё есть. Будем ждать акции, чтобы потом хорошо закупиться.

— Но вы должны понимать, что впереди сезон. Никто не будет понижать сейчас цены, — начал вешать я лапшу на уши. — Наоборот, цены будут только расти. Поэтому выгоднее купить не откладывая. К тому же для вас продолжает действовать персональная скидка на масла фирмы «Митасу» восемь процентов. Если мы поставим с вами, например, бочку вашей любимой трансмиссии с допуском Gl-5, то ваша выгода составит...

Я уже открыл калькулятор на ноутбуке, но Лестин меня перебил:

— Э, нет-нет. Никакой мне бочки не нужно. Куда её ставить? Да и вообще — куда столько масла? Пару вёдер я, может, и взял бы. Но только в следующий раз. А сейчас трансмиссия ещё есть.

— В следующий раз цены поднимутся.

— И ладно. Сегодня денег всё равно нет. Считаю, на пятьдесят тысяч заказ сделали. Теперь под-копить нужно.

— Возьмите в рассрочку. Мы можем дать вам сорок дней.

— Нет, даже не уговаривай, — раздражался всё больше Лестин. Он уже почти меня ненавидел. — Говорю же, долгов выше крыши. Берёшь чужие, а отдаёшь-то потом один чёрт свои.

— За сорок дней вы продадите пять таких бочек. С нашей скидкой один литр масла обойдётся вам в двести пятьдесят рублей. Даже если вы накрутите на него пятьдесят процентов, оно всё равно будет дешевле фасовки. А это сто двадцать пять рублей чистой прибыли! С бочки вы поднимете двадцать пять тысяч. Скажите, кто ещё сделает вам такое выгодное предложение?

Я замолчал. Чёрт подери, это была одна из лучших речей за всю мою жизнь. Но в ответ Лестин только бесконечно печально вздохнул. Я зае...ал его, это было понятно.

— Вот так, — сказал он и поднялся.

Он молча вышел из магазина. Возле крыльца стоял его велосипед. Лестин ездил на нём в любую погоду, даже зимой в тридцатиградусный холод. И вот он сел на него и беспечно покатил куда-то в сторону Красноярска.
— Уехал на обед, — виновато произнесла Галя.

32.

— Ты кто такой?
— Компания «Автопартнёр», — сказал я.
— А, эти ублюдки, — агрессивно произнёс Прутиков.

Невысокий, красный от вечной злобы старик в неизменной дерматиновой кепке. Он был похож на таксиста, откатавшего по чудовищным пробкам пять суток в компании наркоманов и алкашей и теперь вместо отдыха вынужденного продавать автозапчасти.

— Почему сразу ублюдки?
— Ублюдки и есть. Кто же ещё? Да не смотри на меня таким рыбьим взглядом. Знаю я всю вашу шайку-лейку. И директора вашего знаю, Виктора Владимировича. Мы в девяностые начинали с ним вместе.

— Друзья юности?
— Таких друзей вешать на фонарных столбах нужно. Бандюга форменный. Что думаешь, он остался белым и чистым, пока колотил свои миллионы? Да он человек сто за городом прикопал. Он и его подельник, Кинжеев. Куда, кстати, делся ваш предыдущий рассказчик? Тот, что ходил до тебя?

Я работал в компании полгода, но у Прутикова была феноменальная память на лица. При первом моём посещении он сказал мне: «А ведь я тебя где-то видел! Да-да, я тебя знаю». И потом уже никогда меня не узнавал. Конечно, я не баловал его своими посещениями. Жаль было времени слушать о том, какие вокруг все козлы и как они его нае...али. Но раз в месяц я всё же появлялся у Прутикова, подписывал акты сверок. И он никогда меня не узнавал. По его мнению, к нему приходили всякий раз новенькие. Все сплошь мудаки, ублюдки и прочие нехристи.

— Перевели на другой маршрут, — произнёс я.
— Значит, уволили. Тоже ещё тот мудила. Я у него как-то спросил, какая оборотка у Чистанова. Знаешь же Чистанова? Или ещё не успел всех клиентов запомнить?

— Знаю, у него магазин в начале улицы.
— Вот-вот. Так этот мудила говорит: полмиллиона в месяц, и это не считая того, что Чистанов берёт у сторонних поставщиков. Сказочник, бля. Так я ему и поверил. Будто у людей есть столько денег. Ко мне если и зайдёт один мудозвон в час, так и то нос воротит. Всё ему дорого, бля, всё ему не по карману. Почему-то ни один из этих умников никогда не торгуется в продуктовом или в аптеке. А в магазине автозапчастей — пожалуйста, сколько

угодно. Будто мы сами запчасти выстуриваем. Они мне уже весь мозг выели, эти козлы. И знаешь, какой я для них фокус придумал?

— Не имею ни малейшего представления.
— Разлил отработку по тарам, — по-мефистофельски захохотал Прутиков. — Написал маркером вязкость, там, «Лукойл» или «Роснефть», и выставил на продажу по сто пятьдесят рублей за литр. Дорого тебе по пятьсот рублей покупать — на, пожалуйста, — и он достал из-под прилавка пластиковую бутылку, в которой тяжело плеснулась чёрная маслянистая жижа. — А что с ним на хрен делается? Срок службы присадок закончится? Так на кой чёрт они вообще тут нужны? Засрут масло химией и продают втроедорога. Чистящий эффект, противозадирные свойства. Ха-х. Приманка для дураков. Им напиши на бутылке, что этим маслом гастрит можно лечить, они и в это поверят. Вон, в советское время ездили на автоле, и ничего. Тогда люди были не в пример умней нынешних. А сейчас пошло какое-то свихнувшееся поколение. Сплошь придурки и курицы со своим безмозглым потомством.

На мгновение он замолчал, переводя дух.
— Придут, походят вдоль витрин и уходят. И куда, спрашивается, они все идут? К Чистанову, разумеется. Он понабрал китайского хлама и продаёт его как немецкий. А они, олухи, верят. Какой-то Х...й Вен Лин написал на коробке «Ховер», и они думают, что это поставщик БМВ штампует им водяные насосы на «Жигули». Да кому на хрен нужны их драндулеты? Чем чаще они будут ломаться, тем лучше. Для них же самих. Буду больше работать, а не сидеть перед теликом — засирать мозги американскими фильмами. Тут пришёл ко мне на днях один такой мудозвон, — продолжал Прутиков. — За стартёром на «десятку». И говорит: «А подешевле нельзя?» Мол, когда-то там, наверное, когда его стручок был пять сантиметров, брал дешевле. Ну, я пошёл в подсобку и в упаковку из-под «Крафта» засунул «Старый Оскол». «Вот, — говорю, — старый привоз. Продаю по цене позапрошлого года». Так этот дурак ускакал отсюда, будто ему всучили золотой слиток вместо лопаты дерьма. Так только с дураками и нужно. А то такие, как Чистанов, быстро тебя оприходуют. Или что думаешь, он не такой, этот Вячеслав Олегович? Думаешь, он не ходил тут с блокнотом, не записывал цены, ассортимент, не прикидывал мою выручку, прежде чем открыть свою богадельню? Ходил, будь уверен! Своей-то головы нет, обязательно нужно украсть у другого. Еврей, бля. Была б моя воля, я бы таких собственноручно расстреливал.

Признаться, мне стало жаль мужика. Зря я ему рассказал про эти полмиллиона. Но уж больно достал меня Прутиков в прошлый раз. Достал этими своими «мудилами» и «мозгоё...ами» так, что у меня напрочь поехала крыша. Я готов был

взять на себя десять убийств и двадцать разбоев, заявить, что являюсь американским шпионом, лишь бы скорее свалить от него.

— Нет,— произнёс озадаченно я, словно действительно силясь понять, как могло такое случиться,— полмиллиона— чересчур много. Это он, конечно же, приукрасил.

— Ага, припи...ел, стало быть. Ну-ну.

— В прошлом месяце Чистанов взял у нас сто пятьдесят тысяч. И это одна из самых высоких оборотов за последние несколько лет. Я даже премию получил за него.

— Вот это уже похоже на правду,— повеселел Прутиков. У него даже отхлынула кровь от лица. Из бордового оно сделалось розовым, как у младенца.— Максимум, что он накручивает на товар,— пятьдесят процентов. Значит, его доход составляет семьдесят пять тысяч. А из них ещё нужно заплатить за свет, коммуналку, налоги. Магазин—то он вон какой отгрохал себе, двухэтажный. Одно отопление зимой, поди, двадцать тысяч выходит. Плюс зарплата работникам. И в остатке выходит всего ничего. Больше мороки, чем заработка. Нет, уж лучше не рыпаться. Так вернее выходит. Держать и дальше свою говнобудку, зато по ночам спать спокойно.

В этот момент Прутиков на мгновение замолчал. Времени среагировать у меня было немного, какая-то доля секунды, поэтому, не подбирая слов, я немедленно выпалил:

— А я, Пётр Викторович, как раз по этому вопросу. — По какому вопросу? Я у тебя пока ничего и не спрашивал.

— По поводу дохода,— перехватив инициативу, сформулировал я.— Недавно у нас стартовала акция на моторные масла фирмы «Митасу». Можно хорошо заработать. Например, канистра «Платинум 5W-40», изготовленного на основе четвёртой группы базовых масел, обойдётся вам всего лишь...

Прутиков весело рассмеялся. Будто я травил анекдоты, честное слово.

— ...В одну тысячу пятьсот рублей,— закончил я фразу.

— Вот ещё один мудозвон выискался,— не прекращая смеяться, произнёс Прутиков.

— Это вы мне?

— Кому же ещё? Да я в вашей фирме ни одной шайбы не куплю больше. Не говоря о другом. Или ты думаешь, всё коту Масленица? Ничего, дойдёт и до вас очередь. Будто я не знаю, что у вас упали продажи. Всё знаю, хоть и сижу с утра до вечера за прилавком,— он говорил, а на его лице играла злорадная улыбка убийцы. Как в финальных сценах боевиков, в которых злодей наставлял на главного героя оружие.— Если раньше я брал у вас на сто тысяч в месяц, то теперь на двадцать едва набираю. А всё потому, что на хрен вы мне не нужны. И скоро все откажутся

с вами работать. А тебя уволят к чёртовой матери. Акция, говоришь, новая? А я скажу, не акция это, а распродажа. Потому и скидываете ценник, что запахло жареным.

Выходило, Прутиков вводил против нас единичные санкции. Хотел задавить экономически. Я развернулся и направился к выходу. Ловить тут всё равно было нечего.

— Что, не нравится? Колет глаза правда-матка?— кричал он мне вдогонку.— Но ничего, поезди пока ещё. Вишь какой— в чистой рубашечке, в брючках. Прям дипломат в английском посольстве. Покрасуйся. Коли так...

Я закрыл за собой дверь. На улице пели птицы.

33.

— Ночь. Деревня,— войдя в кабинет, с ходу начал коренастый лысый мужик лет пятидесяти, руководитель отдела доставки.— В дом к девушке через окно пробрается молодой парень. И залазит к ней под одеяло. Ну, понятное дело, давай они обниматься там, всё такое. И тут парень и говорит: «Люблю тебя, мать, больше жизни. Давай, что ли, сделаем это?» А девушка, ясен пень: «Да ты что? Я ещё, типа, целка,— тоненьким девичьим голоском пропищал за девушку рассказчик.— Разве можно до свадьбы? Да и бабушка спит на печи. Разбудим». — «А мы потихоньку»,— произнёс парень. «Нет, нет и нет»,— категорически ответила девушка. «Ну давай тогда хоть на полфёдора, раз ты так боишься лишиться невинности?» — «На полфёдора? А это как?» — «Да очень просто. Я возьму его в руку. Ты возьмёшь его в руку. Что останется, то и будем использовать. Только смотри, держи крепко, чтобы, не дай Боже, не выскользнул». Подумала девушка, подумала и согласилась. Взяли они, значит, хрен в две руки и давай друг об дружку тереться. Минут пять всё шло у них благополучно. И тут, как водится, рука девушки случайно соскальзывает. А парень и подавно ничего не держал. Ну и засадил он ей с маху всё, что у него было. Чуть напополам, бедную, не порвал. Девушка, понятно, в слёзы. Парень её успокаивает: «Ну, не переживай, милая,— ласково просюсюкал начальник.— Всё у нас будет с тобой хорошо. Поженимся, нарожаем детишек, я на работу устроюсь в совхоз. Хозяйство богатое заведём». Тут с печи слышится голос старухи: «Тьфу на вас,— говорит,— ироды. Вы и х...я-то вдвоём удержать не смогли. Какое вам на хрен хозяйство?»

Торговые представители прыснули смехом. Под всеобщий хохот начальник отдела доставки торжественно прошёл к столу супервайзера и передал ему документы с возвратами. Затем развернулся и так же торжественно вышел. Как рок-звезда мирового масштаба.

— Ха-х! Смешно,— воскликнула Света.— Ржу не могу!

— Молчи, придурочная, — сквозь смех произнёс супервайзер. — Тебе с куриным мозжечком не понять.

— Ты зато больно умный, как я посмотрю!

— Совсем, что ли, страх потеряла? Или думаешь, раз твоя зарплата за этот месяц ушла нам на корпоратив, тебе теперь и терять нечего?

— Так и думаю, Андрей! — вспылила Света. — Вы, значит, будете жрать шашлыки за мой счёт, пить пиво, париться в бане. А то, что меня через неделю выгонят из съёмной квартиры за неуплату, на это вам наплевать. Я так просто этого не оставлю. Я пожалуюсь Владимиру Анатольевичу. Пусть знает, какой беспредел творится у него в отделе продаж.

— Ты всё сказала? — вытирая с глаз слёзы смеха, спросил Андрей.

— Пока всё!

— А теперь смотри, что у меня есть для тебя.

Открыв ящик стола, он вытащил из него резиновый член.

— О Господи! — воскликнула Света.

— Видала?!

— Ты совсем, что ли, ё...нулся?

Поднявшись, Андрей молча двинулся к Свете. Массивная, как набалдашник трости, головка члена размеренно, будто с лентой, качалась вверх-вниз. Казалось, член соглашается с чем-то.

— Нет, — взвизгнула девушка.

Вскочив со стула, она бросилась к выходу. Супервайзер рванул за ней следом. Высокий, как подающий надежды баскетболист, он в один прыжок перемахнул через стол, чуть было не задев головой висевший под потолком проектор, и скрылся за дверью. Из коридора слышались истошные визги. Будто там продавали пылесосы с пятидесятипроцентной скидкой.

Торговки дружной гурьбой бросились к двери. — Андрей, я поставил на тебя два косаря! — зазвучали комментарии.

— А ты, Света, расслабься. Тогда ничего не почувствуешь.

— Ха-ха. Ты что, Валера, уже проходил через это?

— Да иди на хрен. Мне бывшая рассказывала.

Сжавшись всем телом, Света бежала маленькими, семенящими шажками. Разогнаться ей мешали туфли на каблуках. Андрей стремительно её догонял. С выпяченной вперёд грудью и членом в руке. Чем ближе он подступал к девушке, тем истошнее она визжала. В какой-то момент визг стал таким громким, что нельзя было разобрать собственных мыслей.

И всё-таки Света добежала до выхода первой. Приложив ключ-карту к замку, она бочком прошмыгнула в образовавшийся перед нею проход, немедленно захлопнув за собой дверь.

— Открой, придурочная, — прокричал супервайзер.

— Андрей, ты что, забыл ключ?

— Конечно, блин. В куртке остался.

Торговые представители захохотали:

— Ну ты и лошара, Андрей.

34.

Выйдя из офиса, я поехал домой.

К херам эту работу. Хватит с меня, решил я. Хватит маразматических планёрок, увеличивающихся из месяца в месяц планов продаж и бесконечной погони за этими планами. Отныне я снова принадлежал себе. На этот раз окончательно. Больше на этот крючок я не клюну.

Работал я без договора, поэтому решил не утруждать себя четырнадцатидневной отработкой, пока они будут искать мне замену. Сколько раз они увольняли людей в один день. Ещё вчера пили вместе на корпоративе, а в понедельник утром — пошёл на хрен, ты нам не нужен. Без объяснения причин. И плевать, что у человека кредиты и съёмная хата. Я решил сделать так же. Пусть немного побегают. Да, в такси было трудно. Но автомобиль ломался, и когда я продавал семечки, вместо гаишников штрафы выписывались супервайзером, а психи стали попадаться мне даже чаще, чем в бытность работы шофёром. Я обманывал сам себя, убеждая, что деваться мне некуда. Но резиновый член в руке супервайзера меня отрезвил. Не знаю, почему мне потребовалось на это так много времени.

Вечером, когда я хорошенько надрался пивом, они мне позвонили.

— Ваше высочество, вы, собственно, где? — спросил Андрей.

— Дома. Где же ещё?

— А какого хрена ты дома? — проорал он.

Если он не поменяет работу, у него случится инфаркт. Или кровоизлияние мозга. Он уже каждое утро мерил давление, хотя ему было всего тридцать семь. Так орать вредно. Это же очевидно. Но ради денег люди готовы пренебрегать очевидным. Поэтому они и сходят с ума. Потому что всю жизнь делают то, чего им не хочется.

— Я больше у вас не работаю.

— Ну-ка, заканчивай эту хрень и пи... дуй в офис.

— И я записываю наш разговор. Если мне не выплатят деньги за отработанный месяц, эта запись попадёт в трудовую инспекцию. Посмотрим, как вы объясните, что официально у вас работает всего три человека.

Он бросил трубку. Представляю, как он сейчас там орал. Орал на весь офис. Этим криком можно было глушить рыбу в озере. Жаль, мне этого не увидеть. Я пропустил необыкновенное зрелище.

А на следующий день я устроился сразу в две конторы такси. Первая была моим старым местом работы, где меня ещё хорошо помнили, вторая — новымодным федеральным диспетчером. Даже

по лицам сотрудников, которые там сидели аж в количестве пяти человек, было понятно, что всё это очень серьёзно. В глухомань пришла цивилизация! Заявки они раздавали по телефону через специальное приложение, причём ближайшей машине. Приложение показывало и расстояние до точки, что значительно упрощало жизнь новичкам. Да и ветеранам, к которым я себя причислял, тоже. До сих пор, случалось, прилетали заявки с незнакомыми улицами. Проулками в пять-шесть домов. Эткими аппендиксами, незаметно сворачивающими с широких проспектов в непролазный кустарник. И чёрт знает, где они находились. Возможно, в какой-нибудь сотне метров, а быть может, и в другом конце города. Теперь с этим была полная ясность. Бери всё, что находится в пределах двух километров, а потом спокойно открывай навигатор и прикидывай кратчайший маршрут. Технологично, как на заводе «Тойоты».

Федеральный диспетчер быстро набрал популярность. Когда я только устраивался работать торговым представителем на семечки, о них ещё никто толком не знал. А два года спустя они вышли в единоличные лидеры по перевозкам, разорив множество мелких компаний. Людей подкупала низкая стоимость поездки и быстрая подача машины. Потеснили они и «Альянс», где я катался до этого. Теперь я практически ничего не зарабатывал по рации. Пять, от силы десять заказов за смену, остальное давал федеральный диспетчер. Но отказать от рации я не мог. Без неё я не ощущал себя больше таксистом. А просто хмурым типом, который от нечего делать подрабатывает частным извозом. Никакой романтики. Только ты, машина и приложение с жёлтыми иконками свободных заказов. И никакого милого сердцу потрескивания рации с неизменными шутками и переругиванием водителей.

Во всяком случае, когда я вышел на первую после своего возвращения в такси рабочую смену, меня никак не оставляло это дискомфортное чувство. Рация упорно молчала. И я брал заказы через приложение. Один за другим. Я сам себя развлекал, представляя, будто прохожу уровни в компьютерной игре. Конфликтный клиент выступал в роли босса, в прохождении которого требовалась особая тактика. Остальные были массовой. В общем, катайся и зарабатывай виртуальные очки в приложении, как в «War Thunder». За пятьсот выполненных заказов — бонус. И ещё еженедельные акции «Приведи друга», «Обклейся за счёт фирмы», «Ночная охота», «Три месяца пользования лицензией бесплатно» и прочие штучки-дрючки.

Создатели приложения явно ориентировались на молодёжь, желая оттащить их от мониторов ПК. А я, видимо, становился уже динозавром. Всё новое вызывало у меня отторжение.

Или, быть может, дело объяснялось иначе? Гораздо проще? Раньше я считал таксистов хозяевами собственной жизни. Вольными птицами без начальства и обязательств. Но вот пришли люди с толстыми кошельками и всё переиначили на свой вкус, не спросив на то нашего разрешения.

А мы подчинились...

И всё же рация наконец ожила. — Мальчики, Некрасова, двадцать два Б, — объявил знакомый голос.

Маша! Она так и не ушла из «Альянса». Осталась. Со своими двумя малолетними детьми, то и дело ночевавшими с ней в офисе, привычкой называть водителей «мальчиками» и энциклопедическими знаниями улиц.

— Оставляй за восемь-восемь, — проорал я.

— Принято, восемь-восемь.

— О, здоров! Ты опять с нами? — поприветствовал меня пять-четыре.

Я его сразу узнал. У него был такой хриплый, такой заспанный голос, что казалось, будто он с вечного бодуна.

— Где же мне быть, пять-четыре? — спросил я, выезжая с парковки.

— Да где угодно. Хотя в министерстве транспорта и путей сообщения. То-то у нас наконец взяли за дороги. Никак, думаю, восемь-восемь теперь у них там всем заправляет.

Я рассмеялся. От всей души. Ничего особенного. Юмор измученных, ошалевших от жары и пробок мужчин не может быть утончённым. Но сейчас он был мне милее шуток Харламова на тнт.

— Жизнь чиновника невыносимо скучна, — произнёс я в ответ.

— Устал перекладывать бумажки с места на место?

— Распиливать бюджет. Пришло время подумать о бессмертной душе.

— Ха-х, — рассмеялся пять-четыре. Его смех походил на кашель туберкулёзника — следствие миллиона выкуренных за рулём сигарет. — Да, в наше время спастись можно только в такси.

Я просто опешил. До того неожиданно было услышать из уст пять-четыре подобное. Но что, в конце концов, я о нём знал? Что я знал о ком бы то ни было? В такси, как и в монастырь, приходили люди самой разной судьбы. И далеко не всегда это были безграмотные неудачники, не сумевшие найти себя в жизни. Для многих лямка пятидневной рабочей недели была нестерпима. Вот они и шли работать водителями, спасались. Современные Канты, Колумбы, Викторы Гюго и Васко да Гамы.

— Восемь-восемь на месте, — сообщил я по рации.

— Принято, восемь-восемь. Звоню.

Пожалуй, я действительно был «на месте». Лучше не скажешь.

У кого только каких проблем не было.

Проблемы со здоровьем, законом, начальством и автомеханиками. Неразберихи с наследством, геморрой с межеванием, хлопоты с похоронами, а ещё коллекторá, психопатки-сверкови, ранние заморозки, глобальное потепление и плоскоземельцы. Когда тебе едва исполнилось двадцать и ты управляешь машиной, будто дома у тебя на плите кипит молоко, никто не будет говорить с тобой по душам. Ближе к тридцати всё меняется.

Теперь люди шли ко мне, как на исповедь к батюшке.

Проблем было так много, что почти не осталось людей, кто смог бы утешить. Только таксисту, выслушивающему за рабочую смену столько историй, что их с лихвой хватило бы на десять романов, можно было, не таясь, признаться в любом смертном грехе, в любом горе, зная, что он не осудит.

— Здорово, батя! На Вяткина?

— На Вяткина, да! Куда же ещё?

В машину сел пьяный мужик. С многодневной щетиной и красовавшимся на майке свежим пятном, по форме напоминающим древний суперконтинент, на котором обитали огромные ящерницы. — О, да ты не батя ещё. Ты — шеф, — сообщил он, посмотрев на меня.

Я ничего ему не ответил. Молча тронулся с места. В целлофановом пакете клиента угрожающе загремели бутылки. А сам он громко икнул, с трудом сдержав позыв рвоты.

— А я ведь алкоголик, шеф, — произнёс пассажир.

— Да бросьте. Совсем не похожи. Просто перебрали чуть-чуть.

— Нет, алкоголик. Никак не могу остановиться.

— И давно пьёте?

— Уже четвертые сутки.

— Ну, это не срок. У меня есть друг в Новосибирске, так он...

— Совсем ты ещё молодой, — перебил меня пассажир. — Салага, можно сказать. Вот таких же, как ты, тысяча триста двадцать три пацана я потерял на войне. Считаю, целый полк. Выстрой их на Первомайской площади — и места яблоку не будет упасть. Понимаешь? Многие ещё девчонок не успели попробовать. И погибли. Тысяча триста двадцать три солдата. А я вот остался. И как жить с этим дальше, не знаю.

Так это и происходило обычно. Люди раскрывались внезапно. Будто внутри у них разрушалась плотина.

— Но вы ведь не виноваты, — произнёс я.

— А кто ты такой, чтобы меня обвинять? — спросил резко он. Глаза его были влажными, как при простуде. — Ты что, Господь Бог? Или, может, ты был там? Видел всё своими глазами?

Он спорил с собственной совестью. Это было ужасно.

— Меня будет судить только Бог. Ясно тебе?

На следующем перекрёстке он вышел, а я закурил сигарету.

36.

В другой раз я вёз старушку из военкомата.

«Интересно, что она там могла делать?» — спрашивал я себя. Когда проводишь за рулём по четырнадцать часов в сутки, волей-неволей учишься находить себе развлечения. Иначе свихнёшься. Мне вот нравилось строить догадки о том, кто твой клиент и почему он едет туда, куда едет. Некоторые маршруты действительно не укладывались в голове. С кладбища люди могли поехать на свадьбу или, хорошенько попарившись в сауне, в автосалон за машиной. А однажды мне довелось везти в морг из пивной двух студентов юрфака — сдавать зачёт по судебной медэкспертизе.

Словно почувствовав мой интерес, старушка заговорила:

— Ох, наконец-то домой. Весь день сегодня катаюсь.

— Сына в армию отправляете, что ли?

— Да какой сын? Если бы сын, — вздохнула она. — На днях пришло из министерства письмо. Оказывается, моему мужу полагается выплата. Он служил на вредном объекте. Сам-то он умер в прошлом году. Очень сильно болел из-за облучения. Вот теперь бегаю по всему городу, получаю вместо него. Сначала приехала в городской военкомат. Меня оттуда отправили в республиканский. А в республиканском понадобилось свидетельство о смерти. Пришлось возвращаться домой и снова ехать обратно. Я у них спрашиваю: скажите, сколько хоть мне причитается? А то, может, зря я на такси трачусь?

— И сколько, если не секрет?

— Сто восемьдесят три тысячи.

— Неплохо, — произнёс я, чувствуя, что ответ мой чудовищен.

— Да, деньги немалые, только куда они мне? Племянникам если отдать. Будет память о муже.

— Детям отдайте. Или не заслужили?

— Да нет у нас детей, — снова вздохнула старушка.

Я промолчал. Вот уж и вправду: разговаривать с людьми — всё равно что ступать по минному полю. — Как выходила за него, он всё молчал, — прервала тишину пассажирка. — Ни за что не признавался, где служил. Говорил, это из-за тебя, это ты виновата, что у нас нет детей. Я все больницы объездила. В Красноярске была. Все в один голос твердили: здорова. Ну а потом, когда у старших сестёр внуки пошли, я его к стене и припёрла. «Хватит с меня, — говорю. — Давай-ка, милый мой, теперь ты на обследование». Он понял, что я от него не отстану, и говорит: «Да и так всё скажу, без обследования». И сказал. «Бросишь меня?» — спрашивает. Эх, — печально вздохнула старушка. — Была

б молодая — может, и бросила бы. А в тот момент кому я уже нужна была, старая?

— Любил вас, — произнёс я.

— Любил. Конечно, любил, ничего не скажу. Много у нас было хорошего. И работающим был. Пока не болел. Жили в «однушке». Так он заработал на трёхкомнатную в новом доме. Я ему говорю: «Куда нам двоим такие хоромы?» А он: «Хочу, чтобы у каждого было по своей комнате». Таким был человеком. Потом построил коттедж, а квартиру сдавал. А как умер, я всё продала. Опять взяла однокомнатную, а вырученные деньги — племянникам. Куда мне столько одной? Всё равно скоро в землю.

37.

— Держись правее, дружище.

В голосе пассажира слышался страх, поэтому я перестроился.

— И не гони. Шестьдесят километров — самая оптимальная скорость. На дороге может случиться всё что угодно. Пусть придурки несутся хоть двести. КАМАЗ, под который они улетят, ещё впереди. Возможно, он уже выехал. Не гони и держись ближе к обочине. И никогда не выезжай на левую полосу. Никогда, — говорил молодой человек, то и дело присасываясь к пивной бутылке. Глаза его неотрывно глядели вперёд, прямо на трассу. — Если во встречном потоке кто-нибудь не справится с управлением и вылетит прямо на нас — в этот самый момент! — что ты предпримешь?

— Сверну в кювет, — пожал я плечами.

— Правильно. С правой полосы ты уйдёшь в кювет и не пострадаешь. Можно так же перестроиться в левую полосу, если она будет свободной. А с левой полосы у тебя только один выход — направо. А если там будет занято? Что тогда? Бабах! — заорал пассажир, хлопнув в ладоши. Но так как в правой руке у него была пивная бутылка, хлопка не вышло. Только обручальное кольцо звякнуло по стеклу. — Вмятку.

— Осторожнее с пивом, — предупредил я.

— Не переживай. Я не свинья. Ни в одной машине ни капли ещё не пролил. Ты, может быть, даже знаешь меня. Я рэпер Кент. Выступал на прошлой неделе в «Атоне»!

— Нет, — сказал я. — Меня «Наутилус» вставляет.

— Бутусов. Чёткая группа. И всё равно вот эту песню ты наверняка должен был где-то слышать.

И он запел. Что-то про правильных пацанов, неправильных девок и дворы Абакана. Он пел, превращаясь в совершенно другого человека. Отрешённого от грузовиков, скоростных ограничений и окровавленных трупов. В тексте у него встречались выражения типа «ёу», «чикса», «кореша» и всё в этом духе. Типичные рэперские словечки, которые прежде в разговоре со мной он не использовал, отчего ощущение, что передо

мною сидел другой человек, лишь усиливалось. Я даже рискнул притопить. Осторожно, чтобы он ничего не заметил. Но стоило стрелке спидометра подползти к отметке шестьдесят пять, как молодой человек прекратил петь.

— Эй, не гони. Ты смерти моей, что ли, хочешь?

Я сбавил скорость. Мы ехали в Черногорск по федеральной дороге, и за нами к этому времени скопилась длинная вереница машин. По левой полосе шёл сплошной поток обгоняющих. Включиться в него тем, кто замешкался на правой, было непросто. Я буквально чувствовал лопатками, как нервничали все эти упёршиеся мне в задний бампер водители. Иногда кому-то всё же удавалось перестроиться влево, и тогда они пронеслись мимо, разгоняя мотор до закладывающего уши рёва. Некоторые оборачивались, бросая на меня мрачные взгляды. Словно говоря: «Я запомнил тебя, мудила. Лучше не попадайся больше мне на дороге».

— Видишь следы от колёс? — спросил Кент.

По трассе действительно тянулась пара чёрных, будто нарисованных тушью, следов от шин. Они петляли из стороны в сторону по всё более размашистой амплитуде.

— Смотри, ушли вправо, в кювет, — произнёс пассажир, приложившись к бутылке. — Знаешь, что случается, когда грузовик сходит с трассы? Груз срезает кабину. Если не успел спрыгнуть — сто процентная смерть.

Почти каждый день я ездил этой дорогой, но на следы от шин не обращал никакого внимания. Теперь я всюду замечал зловещие отметины. Дорога была буквально исчерчена ими. Казалось, это какая-то шутка. Дети нарисовали. Но тут же, будто отозвавшись на мои мысли, справа в пролеске показался свежий веноч с трепетавшей на слабом ветру чёрной лентой.

— Это война, — сказал многозначительно Кент. — Мы все воюем друг с другом. То кого-нибудь собьют на переходе, то пьяный вылетит на встречную полосу, то какой-нибудь придурок проедет на красный. Вчера ночью ехал домой из гостей на такси, так на Попрошайке разбили мотоциклисты. Парень с девчонкой. Пожарные ходили с фонариками, искали фрагменты их тел. Наверное, летели под двести. Война, — снова повторил он, глотнув пива. — У меня самого в голове стальная пластина. Вот такенный кусок. Две недели пролежал в коме. Месяц ничего не мог вспомнить. А когда память вернулась, выяснилось, что мой лучший друг мёртв. И я виноват в его смерти.

— Пьяным за руль сел? — спросил я.

— Лобовое столкновение. Как раз выпал снег. Так мело, что ничего не было видно. Тут ещё эта фура. Всё время приходилось выкруливаться на соседнюю полосу. А друг сидел слева, на переднем пассажирском. Весь удар пришёлся в него.

Какое-то время мы ехали молча. Я сбавил скорость до пятидесяти и включил аварийки.

— Он как спал, поджав под себя ноги, так его, говорят, и достали. Хоронили в закрытом гробу. А я вот теперь только на такси и катаюсь. Не могу заставить себя сесть за руль.

38.

— Мальчики, Пирятинская, семь,— слышалось в рации.

Не ближний свет катит из Энергетиков в МПС. Но если ждать, когда заявка упадёт тебе прямо на голову, можно просидеть в машине не один час. Особенно на окраине города. А за это время ты так изведёшься, что работать дальше уже не захочется.

В общем, я решил не искушать судьбу. Поднёс гашетку ко рту, чтобы выкрикнуть свой позывной, и в этот самый момент у меня с бардачка упала икона. Я не был верующим человеком. Триптих достался мне от отца вместе с машиной. Но спокойно смотреть, как образа лежат на грязном коврикe, я не мог. Отложив гашетку, я потянулся к упавшей святыне. Странно, но она легко прикрепилась на прежнее место. Для верности я пошатал её из стороны в сторону. Иконка держалась надёжно, точно на жидком гвозде. При всём желании я не смог бы её теперь оторвать.

— Ну же, ребята, никого, что ли, нет в мпсе? Заявка хорошая. Правда!— уговаривал тем временем нас диспетчер.— Восемь-восемь, ты уже освободился со Второй Проточной?

Я промолчал. Слова застряли у меня в горле.

— Ребята, вы чего?

— Шесть-два заберёт,— произнёс неохотно Олег.

И это тот самый шесть-два, которого мы называли Торпедой? Он носился по городу как очумелый, выкрикивая свой позывной, всё равно что участники телешоу «Угадай мелодию»— названия песен.

— Шесть-два, поедешь в Пригорск. Цена пятьсот рублей.

Тут я, естественно, выругался. Самыми грязными выражениями. Заказ оказался и вправду хорошим. Диспетчер не обманул. А этот дубина промычал: «Шесть-два заберёт»,— таким тоном, словно ему предложили за пятихатку стонять в Красноярск и обратно. «Бестолочь. Остолоп,— говорил я себе.— Сколько лет работаешь в такси, а заявки брать не научился. Сиди теперь, протирай бесплатно штаны да любуйся, как другие проезжают мимо тебя с пассажирами». Некрасиво, конечно. Но что сделать—эмоции! У всех нас были кредиты, арендная плата и семьи, которые нужно было кормить.

С отчаянья я выхватил первую же заявку, которая пришла следом. И снова мне не фартануло. Из Энергетиков тащиться за город, на дачи «Ивушка». Сто пятьдесят рублей заработка. И возвращаться

обратно порожняком. Почти сто процентов. Больше бензина сожжёшь, чем зарабатываешь.

— И как, по-твоему, это всё называется?— спросил меня пассажир.

Видимо, всё время, пока ждал машину, он вёл в своей голове диалог, пытаюсь решить для себя какой-то вопрос. Но прозвучало это так, будто его тоже всерьёз волновала упущенная мной заявка в Пригорск.

— Да понятия не имею,— произнёс в сердцах я.

— Что, день сегодня херовый?— поинтересовался клиент.

— Это ещё мягко сказано.

— Херня. Вот у меня в последнее время действительно чёрная полоса. Расскажу— охренеешь. Помнишь грозу неделю назад?

— Помню. Столько деревьев свалило. Два дня их вывозили из города.

— А я, бля, дурак, поехал в эту грозу по работе,— грустно улынулся клиент.— И на пересечении Ленкома и Кирова угодил в ямину. Решил проскочить перекрёсток на жёлтый. Втопил хорошо— и в лужу. Гидроудар. Водой пробило первый и третий цилиндры.

— Да, действительно охренеть можно.

— Совершенно новая «Бэха» была. Брал из салона в прошлом году. На сервисе насчитали сто семьдесят тысяч. И всё равно посоветовали от неё избавляться. Как долго прослужит мотор— неизвестно.

В ответ я только присвистнул.

— И это не всё. На следующий день я взял машину жены. Не успел выехать со двора, как попал в аварию. Прилип ещё на семьдесят косарей. А позавчера,— остановил меня рукой клиент, как бы говоря, что для комментариев время не наступило,— а позавчера двоюродный брат дал мне «восьмёрку». Так у меня на трассе вырвало шаровую. Двести километров пёр её на эвакуаторе в город. Приехал и забухал. И до сих пор пью.

— Просто мистика какая-то.

— Ага, знать бы ещё, что она означает, мистика эта,— с досадой произнёс он.— Убил за неделю три тачки и сам чуть не разбился к чёртовой матери. Я уже за руль садиться боюсь. Сглазили меня, что ли?

Начинало светать, когда я подкатил к офису. Отключив рацию, я привычно взбежал на крыльцо по металлической лестнице, стараясь, чтобы антенна не угодила между ступенек, и открыл дверь.— Маша, я отстрелялся. Считай, сколько с меня.

Но никто мне не ответил. Я поднял глаза. За столом, заваленным сотовыми телефонами, сидела Маша и плакала. На диване напротив расположились два полицейских и хозяин такси— молодой парень, откатавший в прошлом не одну тысячу смен на арендной машине.

Он молча курил, а полицейские заполняли бумаги.

— Что случилось? — произнёс я.

Несколько долгих секунд все молчали.

— Олега убили, — вдруг заревев во весь голос, выдавила диспетчер.

— Олега? Шесть-два?

— Да. По дороге в Пригорск.

Будто сквозняком потянуло из-за спины.

Я понял: то была сама Смерть. Отлепив от меня окслизлые щупальца, она пронеслась мимо. Энергетика от неё исходила безумная. Как от трансформаторной будки. Всё это время, Бог знает как долго, она сопровождала меня по пятам, обволакивая своими электромагнитными волнами. Вибрирующим, полным потусторонней враждебности полем. Я только сейчас это почувствовал. Когда она улетела.

— Господи, — произнёс я, прислонившись к стене.

— Кто это? — внимательно посмотрел на меня полицейский.

— Алексей, наш водитель, — ответил хозяин.

— Будьте добры, Алексей, продиктуйте свою фамилию и телефон. Возможно, нам понадобятся ваши показания. Вы ведь всю ночь были на смене? Погибшего хорошо знали?

Позже мы вышли с Машей покурить на крыльцо.

— Тридцать три ножевых ранения, — сказала она. — Они выбросили его в поле за Усть-Абаканом. Он был ещё жив и каким-то чудом дополз до дороги. Там его подобрала попутка. А через час в больнице он умер. У него остались жена и двое детей.

— У меня даже в голове не укладывается, как такое возможно.

— У меня тоже. Сукины дети.

На глаза сами собой навернулись слёзы. Я должен был оказаться на месте Олега. Бог мой, я ведь почти взял эту заявку. Убить должны были меня, не его. Но смерть по ведомым только одной ей причинам обошла меня стороной. Произошло чудо. Но Олегу от этого нисколько не легче. Почему так? Почему кого-то из нас должны были непременно убить? Может быть, там, на небе, тоже всё давным-давно перепуталось и боги не ведают, что творят?

— Их уже взяли? — не узнал я собственный голос.

— Да, почти сразу же, по горячим следам. Говорят, хотели попасть к другу на день рождения. В Богградский район. А денег на проезд не было. Вот они и убили таксиста, чтобы на его машине добраться до места. Весь день планировали нападение. Это пока всё, что известно.

Во дворе напротив закрипели качели. Размерно, как метроном. Женщина в белой сорочке с босыми ногами. Она качалась, уставившись отстранённым взглядом на восходящее солнце, и улыбалась. Вверх-вниз, вверх-вниз. Всего лишь женщина. Всего лишь качели.

На часах было без пяти шесть.

— Законы личного квантового пространства, — произнёс Игорь, разливая коньяк. — Можешь называть это и чудом, как тебе нравится. Просто твоя жажда жизни была такой сильной, что, когда возникла опасность, кванты перестроились определённым образом и отвели от тебя смерть. Она была чужеродна твоей энергетике. Как два магнита, которые отталкиваются друг от друга. Если не было бы икон, случилось что-нибудь другое. Машина бы не завелась, или тебе приспичило бы поссать, и ты не взял бы заявки. Так это работает.

— Не знаю. Я уже не знаю, что думать.

— Не надо ни о чём думать. Давай выпьем.

Мы подняли рюмки. Удивительно, но мне удалось немного отвлечься. Все эти разговоры о квантах производили умиротворяющее действие. Игорь умел вытаскивать из негатива. Этого у него не отнимешь.

— Однажды вёз я одного мужика, — выдохнув коньячный жар, просипел я. — И он мне рассказал такую историю. Несколько лет назад от несчастного случая у него погиб брат. Совсем молодой. Его дочке только-только исполнилось четыре года. И вот как-то она оказалась в комнате одна, без присмотра, и, забравшись на подоконник, выпала из окна. Она упала с десятого этажа на асфальт и осталась в живых. Ни одного перелома. Врачи только разводили руками: мол, родилась в рубашке. Тогда мама спросила у девочки, помнит ли она момент падения. «Меня папа поймал. Взял на руки и положил на землю. Папа, а с ним было ещё двое мужчин в белых одеждах». Так она ей ответила. И как ты это всё объяснишь? Тоже квантовое пространство?

— Разумеется. Только оно.

— Выходит, по-твоему, дети умеют лгать? В четыре года?

— Я сейчас не об этом. Ты пойми, я не отрицаю того, что, возможно, тебя спас умерший дед. Вернее сказать, я понимаю, когда пользуются подобной системой мышления. Квантовая физика пока что плохо изучена. И тем не менее и отец выпавшей из окна девочки, и иконки, и то, что ты работаешь водителем, так же как дед, всё это — квантовая физика. Человек пытается дать объяснение непознаваемому и придумывает метафизику. Загробный мир, богов, переселение душ. Так же как древние люди, объяснявшие грозу гневом Зевса. Настоящий же порядок вещей до сих пор скрыт от нас. Мы только чувствуем это что-то великое, и не больше. Очень может быть, что мы никогда не сможем его объяснить. Возможно, оно находится за пределами нашего разумения. Как теория относительности для одноклеточных организмов.

— Да, — согласился с товарищем я, — но ведь есть вероятность того, что это что-то великое, как ты говоришь, как раз и окажется метафизикой.

Человек докажет существование потустороннего мира.

Боже, до чего я напился. Ещё немного — и я был готов выступить с речью перед Нобелевским комитетом. Но сейчас мы, похоже, перетягивали одеяло, которым вполне могли укрыться вдвоём. — Хорошо. Какова тогда доля истины в том, что грозой управляет бог-громовержец? — снова потянулся за бутылкой Игорь. — Я ни в коем случае не отрицаю существования загробной жизни. Взять, к примеру, осознанные сновидения. Ты просыпаешься там, во сне, в своей комнате. Всё вокруг точно такое же, как в реальности, только при этом ты спишь. Ты можешь выйти из дома и, допустим, увидеть, как наркоманы грабят твоего соседа с пятого этажа, а на следующий день выяснится, что это действительно было. Ты в самом деле путешествовал по реальному миру. Только в астральном теле. Так же и смерть. Материальная оболочка — условность. Помнишь, о чём я говорил? Если сильно захотеть, можно превратить себя в лужу воды. Или, напротив, самовоспламениться. Таких случаев в истории сколько угодно. Ты знал, что на девяносто девять целых девяносто девять сотых процента наши тела состоят из пустоты. Ядра атомов настолько малы в сравнении с самим атомом, что соразмерны пылинке, помещённой посреди футбольного стадиона. Мы скорее аморфны, чем материальны. Но это не значит, что мы можем объяснить эти факты рассуждениями спекулятивного характера. Потусторонний мир, как ты его называешь, существует, так же как молния летней грозой, но на деле он может оказаться совсем не тем, что мы привыкли о нём воображать. Вот что я хочу сказать по этому поводу.

— Игорь, ты практикуешь осознанные сновидения? — решил поменять я тему беседы.

Иначе бы мы ни к чему не пришли. Никто до сих пор не пришёл. За многие тысячелетия.

— Практикую. И уже второй год.

Прозвучало это настолько торжественно, что мы, не сговариваясь, чокнулись рюмками.

— Но зачем? Ты же бизнесмен. Стив Джобс уже не копируется?

— Без этого невозможно заниматься делами. Все великие люди пользовались трансцендентными практиками. Не только бизнесмены. Писатели, философы, учёные. Например, Тесла испытывал в астральном мире свои изобретения. Сначала конструировал их в сновидениях, а потом проверял, правильно ли они работают. Это гораздо дешевле и, что самое главное, быстрее, чем создавать прототип, испытывать его, создавать ещё один и ещё, пока устройство не начнёт работать как нужно. Теперь большую часть работы я делаю в снах. Заключаю контракты, нанимаю бригады рабочих. Если во сне где-то что-то не клеится, то я предпочитаю не связываться с этим заказчиком.

Можешь не верить, но в большинстве случаев после подобного моделирования всё проходит без сучка без задоринки. То же самое и с медитацией. Сливаясь со Вселенной, я достигаю максимального умиротворения, что просто необходимо для успешного ведения дел. Я медитирую всякий раз, когда меня что-то тревожит. Например, жена просит денег на шубу, а у меня нет мелочи даже на сигареты. Поверь, такое тоже случается. Своё дело — это ещё и большие долги. Долги за аренду офиса в центре города, кредит за машину, без которой тебя не будут воспринимать должным образом. Одежда — и та стоит денег. Всё уходит на понт, на то, чтобы пустить пыль в глаза. А сам ты, быть может, в это самое время доедаешь последний хер с хлебом и не знаешь, что будешь есть завтра. Так вот, когда мне клюёт мозг жена или, скажем, генеральный подрядчик задерживает очередной транш, а рабочие стучат ко мне в дверь с требованием выплатить им зарплату, в таких случаях я закрываю глаза и растворяюсь в пространстве. Моё эго подобно бревну, разделяющему реку на два потока. Я вынимаю бревно, и река становится снова единой. Я сам становлюсь рекой, рекой мироздания. Что значат мои проблемы по сравнению с вечностью? Они лишь круги на воде, ничего больше. Зачем придавать им неоправданно большое значение?

Игорь действительно закрыл глаза. Только сейчас я понял, насколько он был напряжён всё это время. Погружаясь в медитативное состояние, его мышцы лица постепенно разглаживались, как восковые. Он ещё что-то шептал, но голос его становился всё тише. Вскоре он совсем замолчал. Где он сейчас находился? Кто знает?

Осторожно, чтобы не разбудить, я перетащил его на диван.

Затем налил себе рюмку и выпил.

40.

Шёл дождь.

Из подъезда вышел мужчина в толстовке с накинутым на голову капюшоном. Маслянисто-чёрные лужи пузырились под свинцовыми ударами капель, но человек, не замечая ненастья, прошёл к водительской двери и постучался. «Чёрт, — выругался про себя я, взглянув на вытянутое, с белёсым шрамом во всю правую щёку, лицо пассажира. — На улице льёт как из ведра, а ему понадобилось меня о чём-то спросить».

— Садился б уже. Сиденье замочишь, — произнёс я, опустив окошко.

Мужчина выпрямился, отстраняясь назад. В правой руке его что-то тускло блеснуло. Я не успел рассмотреть, что это было. В следующую секунду пассажир резко выбросил в мою сторону этот блеск, и обжигающий холод полоснул моё горло. Я не почувствовал боли. Лишь жгущий

холод, обжёгший шею, да то, как по груди потекла отвратительно липкая кровь. Она вытекала из раны и, как мне казалось, через пупок возвращалась обратно в кишки. Она бежала по кругу, увлекая меня за собой. Моя кровь и я—мы кружились как одно целое. Как планета и спутник. Как Жизнь и Небытие. Приводимые в движение одними и теми же шестернями мироздания.

«Конец?»—пронеслось у меня в голове. Сколько раз я представлял себе смерть. Из любопытства или из жалости к себе самому воображал последние мгновения жизни. Но всё это были лишь бледные видения, не имеющие с действительностью ничего общего. Сожаление. Я чувствовал глубокое сожаление. Я не хотел умирать. Это можно было выразить так. Но как мало способны передать эти слова. Всё, что я испытывал в течение жизни. Всё, что я видел, любил, ненавидел. С самого детства и до этого дня. Города, люди, рассветы. Стрекот сверчков. Операция по удалению аппендицита в одиннадцатом классе. Сливочное мороженое в жаркий день. Шум ветра. Измены и расставания. И то, как мой сын встал в первый раз на ноги. Всё,

что происходило когда-то впервые. И летние ночи, когда утром никуда не нужно идти. Смех жены. Голос матери. Наставления отца. Всё это умирало вместе со мной. Всё это и то, что уже никогда не случится. Если бы воспоминания можно было забрать вместе с собой, смерть была бы не такой страшной.

Я заплакал, если бы мог. Но тело всё дальше от меня отдалялось. Отдалялось вместе с миллиардами желёз, синопсисов и нервных окончаний. Я кружился, ввинчиваясь в плотный, как могильная почва, мрак, на самом дне которого уже раскинуло свои объятия беспамятство.

— Нет,—попытался выкрикнуть я, собрав последние силы.

Я рванул на поверхность, прочь из этого мрака, рванул всем своим оцепеневшим, уже поддавшимся неживой слабости телом и, истошно крича, вдруг ожил, судорожно дёрнув ногами.

— Милый, что с тобой? Дурной сон?

Жена...

Смятая простынь...

Истошный стук сердца...